

А. В. Ганин

Владимир Иванович Селивачёв: генерал на историческом перепутье

Столетие назад Россия за короткий промежуток времени пережила невиданный прежде революционный перелом, приведший к возникновению принципиально нового государства и радикальным изменениям во всех сферах жизни общества. Судьбы людей, живших на изломе эпох и делавших в сложной для себя ситуации тот или иной выбор, подчас предопределявший дальнейшую жизнь их самих и их потомков, неизменно привлекают внимание всех, кому небезразлична история нашей страны. Особенно важно глубоко исследовать деятельность тех людей, которые оказали существенное влияние на ход исторических событий. Среди них герой Русско-японской и Первой мировой войн, русский генерал и видный военный специалист Красной армии Владимир Иванович Селивачёв¹.

В. И. Селивачёв родился 14 июня 1868 г. в потомственной дворянской семье Санкт-Петербургской губернии. Род Селивачёвых был внесён в дворянские родословные книги Новгородской и Калужской губерний. Отцом будущего генерала был ветеран Крымской войны, капитан И. Д. Селивачёв. По семейной традиции Владимир выбрал военную стезю. В 1886 г. он окончил Псковский кадетский корпус, а в 1888 г. — Павловское военное училище. Свою армейскую службу он начал в рядах 147-го пехотного Самарского полка, квартировавшего в Ораниенбауме, куда был выпущен подпоручиком 9 августа 1888 г. со старшинством с 7 августа 1887 г. Селивачёва отличала целеустремленность, с молодости он тяготел к знаниям. 20 августа 1891 г., отслужив положенные три года в строю, молодой офицер был откомандирован для держания вступительных экзаменов в Николаевскую академию Генерального штаба. Поступить в академию удалось с первого раза. Уже в стенах академии пришло известие о производстве в следующий чин поручика (27 апреля 1892 г. со старшинством с 7 августа 1891 г.).

В 1894 г. Селивачёв окончил академию по 1-му разряду. За отличные успехи в науках Высочайшим приказом произведён в штабс-капитаны 18 мая 1894 г., после чего 25 мая приказом по

¹ Подробнее о жизни и деятельности В. И. Селивачёва см.: *Ганин А. В. Последние дни генерала Селивачёва: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России.* М., 2012. 320 с.: ил.

Генеральному штабу № 74 отчислен от академии к своей части «и вместе с тем для ближайшего ознакомления со службою Генерального штаба в поле командирован на время лагерных сборов в распоряжение штаба Петербургского военного окр(уга)»¹.

Казалось бы, открывались перспективы блестящей карьеры офицера-генштабиста. Однако вместо этого Владимиру Ивановичу пришлось тянуть суровую армейскую лямку. В списках Генерального штаба Селивачёв не значился и по Генштабу не служил, чем существует совершенно поразительное объяснение, о котором необходимо сказать особо.

Как отмечал впоследствии другой выпускник академии, Н. Е. Какурин, Селивачёв окончил академию «без причисления к Генеральному штабу по мотивам, имевшим мало отношения к успешности его научных занятий, и снова вернулся в строй тянуть лямку армейского пехотного командира»². При зачислении Селивачёва на архивную службу в 1918 г. отмечалось, что его не приняли в Генеральный штаб «по тогдашним особым условиям»³.

Что это были за особые условия, удалось узнать из воспоминаний современников. Все они, в том числе ссылаясь на рассказы самого Селивачёва, сходятся на том, что будущего генерала не допустили в Генеральный штаб из-за формы головы, которая у него была крайне необычной. Эта история, если она соответствовала действительности, показывает отнюдь не недостаток самого Селивачёва, а один из симптомов тяжёлой болезни военного управления поздней Российской империи — порочную, иррациональную и близорукую кадровую политику, при которой наверх часто выдвигались худшие элементы, а лучшие, наоборот, подвергались унижениям и порицанию.

Историю о своём недопущении в Генеральный штаб из-за физического недостатка Селивачёв, уже будучи генералом и командующим армией, излагал на встрече с авиаторами в августе 1917 г. Очевидец вспоминал: «В тесной авиационной семье охотно разговорился считавшийся угрюмым и замкнутым, умный и интересный старик-командир. Он так увлекательно рассказывал, что слушать его было одно наслаждение. Но воспоминания молодости, об академии — звучали какую-то затаённую горечью, которую все чувствовали, но не понимали её причины.

Должно быть, он это заметил, потому что вдруг выдержал паузу и сказал с непередаваемой иронией: “И знаете... что мне мешало... Вот”... Он снял фуражку, с которой не расставался во время ужина и указал на свою голову: “Вот, моя голова. Когда я подал прошение о том, что хочу держать экзамены в академию, то там ещё думали

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 173253. П/с 149—082 (1918 г.). Л. 15.

² Из дневника ген. В. И. Селивачёва / публ. Н. Какурина // Красный архив (М.;Л.). 1925. Т. 2 (9). С. 106.

³ РГВИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 1. Л. 76.

и решали, можно ли принять в академию человека с такой формой головы” ... Он коротко и болезненно рассмеялся. Всем было не по себе... Голова генерала была действительно редкой формы, яйцообразная, конусообразная, очень вытянутая кверху и совершенно лысая теперь.

— А я в академии им всем и насолил. Кончил первым. Но всё же трудно поверить, из-за формы головы меня не перевели по Генеральному штабу... Много мне эта моя голова хлопот в жизни причинила... Впрочем, — теперь ерунда. Об этом не стоит вспоминать»¹.

По свидетельству офицера, знавшего Селивачёва, тот «отлично окончил академию Генерального штаба, но не был зачислен в штаб, как тогда говорили, из-за невероятно уродливой формы головы, торчащей у него высоким конусом. Во время японской войны он проявил себя отличным офицером, начал продвигаться по службе и во время германской войны также проявил большие способности, несмотря на форму головы»².

Один из сослуживцев Селивачёва, офицер-генштабист М. Н. Архипов, вспоминал: «Это был замечательный человек и выдающийся военачальник. О нём необходимо сказать несколько слов... Передо мной стоял небольшого роста худощавый человек с большой бородой, бакенбардами и невероятного фасона головой. Голова уходила вверх острым клином; это была сахарная голова, и когда генерал одевал фуражку, то верхняя острая часть головы выпирала кверху через эту фуражку. Я был предупреждён о его внешности, но невольно взглянул на голову. Этот физический недостаток не повредил его мозги, а скорее обострил их. Умный, строгий взгляд его карих глаз, живость характера, горячая преданность военному делу, настоящий “*feu sacré*” («священный огонь») и большая требовательность к своим подчинённым делали его выдающимся военным учителем. Он окончил академию Генерального штаба, но перед выпуском начальник академии будто бы сказал ему, что с таким фасоном головы выпустить его в Генеральный штаб не могут»³. К офицерам Генерального штаба генерал Селивачёв относился отрицательно и недружелюбно»⁴.

Зять Селивачёва Д. Д. Зуев⁵ 5 апреля 1931 г. сообщил в показаниях по делу «Весна»: «Умерший генерал Селивачёв был скромным

¹ *Е. Д. и В. Б.* Из авиационных воспоминаний // Часовой (Париж). 1930. № 46. 31.12. С. 10.

² *Анухтин С.* На фронте после революции // Военная быль (Париж). 1968. Июль. № 92. С. 34. Также опубл. в: Зарождение Добровольческой армии: сб. М., 2001. С. 43. (Россия забытая и неизвестная).

³ «Этого он мне сам никогда не рассказывал, и, может быть, это относится к разряду выдумок, так же как и то, что будто бы ему во время японской войны всё же предложили должность по Генеральному штабу, на что он ответил, что фасон головы у него не переменялся». — *Прим. М. Н. Архипова.*

⁴ *Архипов М. Н.* Воспоминания о Первой мировой войне // Военная быль. 1968. Март. № 90. С. 21—22.

⁵ Муж дочери генерала — Ксении. Селивачёв был женат на дочери протоиерея лейб-гвардии Конно-гренадерского полка Марии Федотовне Гордиевской

армейским офицером из старого дворянского, но разорившегося рода и с большим трудом пробивался вверх. Физическое уродство (вытянутая редькой голова — результат неправильных родов или воспаления мозга в раннем детстве) — закрыло¹ для него дорогу, сначала в гвардию, а потом, несмотря на отличные успехи в академии, — в Генштаб. Он быстрее стал выдвигаться после японской войны, где командиром батальона был ранен при ночном штурме Путиловской сопки»².

Современник безапелляционно резюмировал: «Ни одна из военных академий не давала своим питомцам прав на головокружительную карьеру. Пожалуй, даже и пресловутая академия Генерального штаба. Если же из числа питомцев последней и попадались лица, вознесённые судьбою с течением лет на высокие ступени военной или военно-административной лестницы, то исключительно только из числа офицеров гвардии.

Кто из бывших питомцев этой академии станет отрицать, что офицер гвардии, а тем более гвардейской кавалерии, не пользовался симпатиями профессуры и конференции академии? Кто станет отрицать, что выдающийся по способностям и успехам, выказанным при окончании академии, офицер армейской пехоты Селивачёв не был выпущен в Генеральный штаб только из-за формы головы, очень напоминавшей собою огурец? Кто станет отрицать, что заведомо неспособный, абсолютно не успевший в науках гвардейский гусар граф С. был выпущен в Генеральный штаб только благодаря его графскому титулу и пёстрому мундиру Гродненского полка?

И в то же самое время многие из офицеров армии, несмотря на исключительные исполнительность и успеваемость в науках, не выпускались в Генеральный штаб из-за неблагозвучной фамилии или из-за некрасивой внешности, вроде Селивачёва.

Так делалась военная карьера в былое время на Руси!»³

По возвращении в полк началась обычная строевая служба, как будто в биографии нашего героя и не было блестящего окончания академии. Возможно, несправедливость с непричислением к Генштабу заставила Селивачёва, ещё будучи обер-офицером, обратить пристальное внимание на плачевное состояние старой русской армии и прежде всего тех принципов, на которых она строилась.

Глубокий внутренний мир Селивачёва, его склонность к серьёзным размышлениям о стране и её вооруженных силах, о нравственных

(1869—21.06.1941). В семье было шестеро детей: Борис (03.02.1895—21.10.1937), Ксения (25.05.1896—1930-е), Татьяна (05.10.1897—?), Михаил (07.11.1901—23.08.1936), Константин (05.05.1903—?), Анастасия (21.01.1909 — не ранее 1941).

¹ В документе — закрыли.

² Семейный архив Д. Д. Зуева и О. Н. Хлестова (Москва).

³ Барт А. На фронте артиллерийского снабжения // Былое (Ленинград). 1925. № 5 (33). С. 198—199.

вопросах на протяжении многих лет жизни раскрываются в его удивительном дневнике 1901—1917 гг., который Владимир Иванович вёл с перерывами¹. Разочарование в российской действительности и самые пессимистические, безотрадные картины стали лейтмотивом записей Селивачёва на протяжении многих лет.

9 января 1897 г. Селивачёв был прикомандирован к штабу I армейского корпуса для ознакомления с обязанностями старшего адъютанта — должностью, замещавшейся офицерами Генерального штаба. С 27 января он уже официально занял эту должность, на которой находился четыре года до 5 января 1901 г. 6 декабря 1898 г. Селивачёв был награждён орденом Св. Станислава 3-й ст., а 15 февраля 1899 г. он получил разрешение принять и носить румынский офицерский крест ордена Звезды 4-го класса. В период с 16 декабря 1898 по 15 мая 1899 г. Селивачёв по предписанию штаба Петербургского военного округа состоял делопроизводителем комиссии по исследованию строя жизни юнкеров Павловского военного училища и кадетов 1-го и Николаевского кадетских корпусов. За выслугу лет 8 октября 1900 г. Селивачёва произвели в капитаны со старшинством с 6 мая того же года и с зачислением по армейской пехоте. 5 января 1901 г. он был отчислен от должности старшего адъютанта, которую занимал на протяжении четырёх лет, и переведён на службу в 85-й пехотный Выборгский Его Императорского, Королевского Величества Императора Германского Короля Прусского Вильгельма II полк. На новом месте Селивачёв командовал ротой, состоял членом полкового суда и частным руководителем полевых поездок офицеров I армейского корпуса.

Селивачёв заботился о нижних чинах и любил их, активно занимался с ними, стараясь повышать их подготовку и расширять кругозор. 30 октября 1901 г. он беседовал с солдатами о памятниках Новгорода Великого, в том числе о памятниках 1000-летию России и Отечественной войне 1812 г. Для беседы он даже подготовил картины для показа с помощью «волшебного фонаря» (причём за неимением таких картин сам вырезал изображения из книги и промаслил их, приспособив для показа), что вызвало большой интерес².

Заботился будущий генерал и о просвещении офицерства. В частности, участвовал в подготовке полковой истории и выступал с сообщениями на военно-научные темы. 12 октября 1901 г. сделал полторачасовой доклад в офицерском собрании на тему: «Малые манёвры в лагерный период 1901 года». Сообщение вызвало нешу-

¹ В 1923 г. архив Селивачёва, включая его дневники, был принят на государственное хранение, позднее, в начале 1924 г., дочери Селивачёва Ксении по её просьбе были возвращены письма отца к ней (Архивы и власть: Первое послереволюционное десятилетие. Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918—1928 гг.: сб. док.: в 2 т. М., 2018. Т. 2. 1921—1928 гг. С. 172, 202).

² РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. Л. 63.

точные споры, поскольку речь шла о событиях, имевших прямое отношение к полку. 18 октября последовало второе сообщение на похожую тему: «Большие манёвры в 1901 году», причём офицер не побоялся в присутствии начальника штаба дивизии и командира полка подвергнуть критике штаб дивизии и полковые хозяйственные неурядицы. Начальству критика не понравилась, а офицерство, наоборот, одобрило доклад Селивачёва, не скрывавшего реального положения дел. «Не умею кривить душой, да и не вижу нужды», — записал в дневнике будущий генерал¹. Этими докладами Селивачёв не ограничился. 13 января 1902 г. он сделал для офицеров сообщение на тему: «Война в истории русского мира»².

Несмотря на то, что формально он не попал в Генеральный штаб, Селивачёв был подлинным представителем интеллектуальной элиты армии. Он много времени уделял самосовершенствованию в военном деле. Лагерный сбор лета 1902 г., в ходе которого ему пришлось исполнять обязанности старшего адъютанта по строевой части и начальника штаба 22-й пехотной дивизии, Селивачёв назвал «месяцем довершения моего образования как офицера Генерального штаба, при полнейшей самостоятельной работе и ответственности»³. Следовательно, самого себя Селивачёв, несмотря на формальную сторону вопроса, относил к генштабистам. Этот вопрос занимал его мысли, побуждал доказывать свою командно-штабную состоятельность «патентованным» офицерам Генерального штаба.

На страницах дневника Владимир Иванович размышлял о необходимости коренных перемен не только в частных вопросах офицерской службы, но в армии в целом и шире — во всём архаичном и бюрократизированном русском обществе⁴. Вполне возможно, это и стало причиной выбора Селивачёва в пользу красных в Гражданскую войну. С другой стороны, глубокая религиозность и национализм Селивачёва, прослеживающиеся по дневникам, слабо сочетались с курсом большевиков.

Энтузиазм молодого офицера не остался незамеченным. 6 декабря 1902 г. Селивачёв был награждён орденом Св. Анны 3-й ст. 6 мая 1903 г. последовало производство в подполковники с переводом в 88-й пехотный Петровский полк. Полк входил в состав I армейского корпуса и располагался в селе Грузино Новгородской губернии. В новом полку, кроме других должностей, Селивачёв занимал пост председателя полкового суда, который, как правило, предоставляли офицерам, безупречным в моральном отношении. Помимо этого он командовал батальоном и значился наблюдающим за учебной командой полка.

19 июля 1904 г. последовала мобилизация на войну с Японией, и 27 августа Селивачёв уже был в Маньчжурии. В своих опублико-

¹ Там же. Л. 61.

² Там же. Л. 78об.

³ Там же. Л. 124—124об.

⁴ См., напр.: РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 88об.

ванных воспоминаниях о Русско-японской войне Селивачёв писал: «Что сказать о том материале, над которым предстояло работать? За редкими исключениями, это были прекрасные солдаты и чудные унтер-офицеры, бывшие, по общему отзыву всех командиров рот, лучшими *строевыми* помощниками г.г. офицеров»¹.

Какова была реальная картина, не выхолощенная военной цензурой или самоцензурой, видно из дневника. В нём Селивачёв отразил изнанку мобилизации, о которой не мог позднее сказать в открытой печати: «Партии запасных — это сбор пьяных и необузданно диких бывших солдат. Много пришлось говорить с ними, чтобы хоть несколько обуздать их инстинкты, дикость их природы. Со стороны младших офицеров и к(оманди)ров рот никакой помощи — все они носились то к семьям, то в Петербург прощаться, закупать разные вещи, хотя для всего этого был почти месяц времени до объявления мобилизации... Ясно было, что не только младшие унтер-офицеры, но и все вообще г.г. офицеры и даже к(оманди)ры рот совершенно незнакомы с новым уставом полевой службы, а главное, не умеют вести обучение нижних чинов этому отделу службы. Младшие офицеры по своим познаниям — полнейшие невежды в деле полевой службы. И эти-то господа становятся во главе, дабы вести в бой своих подчинённых — грустно сознаться!»²

На Дальний Восток батальон отправился в эшелоне из 35 вагонов, где в каждом вагоне в тесноте помещались по 38—40 человек. 3 октября 1904 г. Селивачёв был «при взятии Новгородской сопки ранен ружейной пулей в левую ушную область, причём пуля засела поперек наружного прохода в костях и хрящах»³.

Бой за Новгородскую (так называемую «сопку с деревом», названную Новгородской в честь штурмовавших её бойцов 22-й пехотной дивизии, в мирное время дислоцированной в Новгородской губернии) и Путиловскую (названа в честь генерал-майора П. Н. Путилова) сопки произошёл на заключительном этапе сражения на р. Шахэ 3—4 октября 1904 г. Обе сопки представляли собой отроги одной и той же высоты (западный отрог — Путиловская, восточный — Новгородская), поэтому указание из воспоминаний самого Селивачёва, что речь шла об одной и той же высоте⁴, недалеко от истины. Эта высота находилась в центре расположения русских войск, и овладение ею имело принципиальное значение, поскольку давало возможность контролировать долину р. Шахэ.

¹ Селивачёв В. И. Японо-Русская война. Петровцы на Путиловской сопке (воспоминания батальонного командира). СПб., 1905. С. 2. См. публикацию: Ганин А. В. Последние дни генерала Селивачёва. С. 223—251. Брошюра Селивачёва была переведена на французский язык и издана в Париже (французский перевод хранится в: РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 35).

² РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 37. Л. 1об.—2.

³ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173253. П/с 149—082 (1918 г.). Л. 24.

⁴ Селивачёв В. И. Указ. соч. С. 16.

За контроль над этими высотами развернулись ожесточённые бои, сопровождавшиеся штыковыми атаками и рукопашной. Для овладения сопками 3 октября 1904 г. был выделен сильный отряд из трёх полков 22-й пехотной дивизии — 86-го пехотного Вильманстрандского, 87-го пехотного Нейшлотского и 88-го пехотного Петровского под временным командованием генерал-майора В. М. Новикова — и 2-я бригада 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майора П. Н. Путилова — 19-й и 20-й Восточно-Сибирские стрелковые полки. Также в атаке участвовали некоторые другие части. Только в бою 3 октября укрепившиеся на высоте японцы потеряли порядка 1 500 человек, бригада генерал-майора Ямада была практически уничтожена, наши войска захватили 14 орудий противника и пулемёт. Потери наступавших русских войск должны были быть выше. По некоторым данным, атака двух сопкок обошлась нашим войскам в 3 000 человек убитыми и ранеными¹.

В воспоминаниях Селивачёв подробно описал события и собственные переживания после принятия решения о переходе в атаку: «Я перебежал к людям и, крикнув *“за мной”*, вошёл в реку. Ясного отчёта себе, что я делаю, я, конечно, не отдавал, а чувствовал, что надо же перейти на ту сторону, так как лежать тут тоже было не сладко. Войдя в реку, я удивился, что она как бы кипела — так сильно били по воде пули, по реке шли пузыри.

Кровь прилиwała к лицу, в висках стучало, во рту пересохло, а там впереди — неизвестно, быть может и смерть; становилось страшно.

Устроив первых переведённых людей, я стал махать на тот берег, чтобы переходили другие, но видя, что меня, вероятно, не замечают, я перешёл реку снова, перевёл ещё часть людей и вернулся за остальными. Тут я встретил раненых, командира нашего полка и подполковника Лаврова и, сообразив, что остался в полку старшим, бегом направился к полку...

Подъём на сопку был в высшей степени труден.

Если бы вы вздумали искать тут каких-нибудь цепей, поддержек и резервов, то ошиблись бы в этом жестоко. Это была масса — *“толпа в образе колонны”*, впереди и сзади которой были остатки офицеров. Сзади — для того чтобы удерживать людей от поворота. Четыре раза эта масса по крику одного — *“японцы бьют”* — поворачивала кругом, скатывалась к реке и только благодаря офицерам и лучшим унтер-офицерам снова подымалась наверх.

На офицеров легла тут тяжёлая нравственная ответственность.

Нервы были взвинчены страшно. Я лично чувствовал, что поверни эта масса ещё раз назад, и я инстинктивно подчинюсь её влиянию.

¹ История Русско-японской войны 1904—1905 гг. / под ред. И. И. Ростунова. М., 1977. С. 293.

Но, Слава Богу, нравственная сила справилась, и мы стали подниматься на сопку; сильно уже стемнело... Не доходя до японских окопов, я был свален ударом пули в ухо. Обливаясь кровью, я пролежал несколько минут без памяти, но затем был подхвачен санитаром, который и сделал мне первоначальную перевязку. С помощью полкового адъютанта я перебрался через реку и направился на перевязочный пункт. Но своего пункта я найти не мог, а, воспользовавшись встреченною лошадей, стал искать хоть какой-нибудь перевязочный пункт. Часа через три я, наконец, добрался до отряда Цеге-фон-Мантейфеля.

Желание моё вернуться к полку, командовать которым остался капитан, не осуществилось, так как меня била лихорадка и температура доходила до 40°.

4 октября на армянском транспорте, под страшным проливным дождём, я добрался до № 4 подвижного госпиталя Красного Креста, бывшего у Фушунской ветки, и здесь провёл остаток ночи с восемнадцатью ранеными японцами.

На следующий день 5 октября нас поместили в товарные вагоны и в этих «теплушках», на полу, мы провели 5½ дней до Харбина, причём 2 дня не обедали»¹.

По итогам боя противники перешли к позиционной борьбе, продолжавшейся до Мукденского сражения. За боевые отличия в сражении на р. Шахэ в период с 28 сентября по 5 октября 1904 г. Селивачёв был награждён орденом Св. Станислава 2-й ст. с мечами (28 ноября 1904 г.) и произведён в полковники (31 мая 1906 г. со старшинством с 4 октября 1904 г.²). Однако лавры победителя в сражении за сопки достались не ему.

В то время Селивачёв оставался убеждённым монархистом или, во всяком случае, декларировал свою исключительную приверженность императору³. В брошюре о Русско-японской войне писал он и о тесной спайке офицеров с нижними чинами, которые иногда проявляли трогательную заботу о своём командире⁴. Но в не предназначавшемся для печати дневнике взаимоотношения офицеров и нижних чинов излагались им в не столь благостном виде.

Высочайшим приказом 10 апреля 1905 г. Селивачёв был назначен комендантом военно-санитарного парохода «Полезный» с оставлением в списках полка, а 5 мая отчислен от должности комбата. По всей видимости, новую должность Селивачёв совмещал с лечением раны. Работа позволяла отдохнуть, совершая интересные путешествия по Волге и Каме и выполняя несложные комендантские обязанности. Дневниковые записи этого периода наполнены зарисовками природы, внутренними переживаниями, философскими и мировоззренческими размышлениями.

¹ Селивачёв В. И. Указ. соч. С. 21—22.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 10. Д. 824. Л. 35.

³ Селивачёв В. И. Указ. соч. С. 2.

⁴ Там же. С. 19.

31 октября 1905 г. Селивачёв сдал пароход и отправился в 88-й пехотный запасный батальон, куда прибыл 13 ноября, и 28 ноября получил прикомандирование к этой части. В связи с ранением Владимир Иванович 26 января 1906 г. был принят под покровительство Александровского комитета о раненых и отнесён ко второму классу раненых. Лишь 19 апреля 1906 г. Селивачёву удалось вернуться в свой полк, в котором он был прикомандирован к нештатной команде, а затем вновь получил в командование батальон.

В этот период империя уже погрузилась в хаос массовых беспорядков периода Первой русской революции, которые тогда ликвидировались силами армии. По мнению Селивачёва, изложенному в дневниковой записи 3 июня 1906 г., «все наши брожения в войсках имеют своей подкладкой экономическую неудовлетворённость»¹. По мере возможности, Селивачёв вёл разъяснительную работу в полку, стремился отвлечь солдат от втягивания в беспорядки. 18 июня 1906 г. он занимал нижних чинов игрой в крокет, в другие дни солдаты играли в футбол, который был для них более увлекателен. Селивачёв читал солдатам произведения Л. Н. Толстого «Чем люди живы» и «Упустишь огонь — не потушишь», что вызывало большой интерес солдатской массы. Иногда читались церковные книги, например, произведения священника Петрова. Селивачёв разъяснял методы работы политических партий в целях терроризирования населения². Показательно, что ротные командиры ничего подобного не делали и лишь раздражали Селивачёва своей халатностью, рутинёрством, безынициативностью и незаботливостью³.

Селивачёв участвовал и в обеспечении государственной безопасности. В частности, в период с 30 августа по 4 сентября 1906 г. он во главе батальона был командирован в Череповец для несения охранной службы. 4 сентября последовала новая командировка, на сей раз в столицу, в комитет по образованию войск, где с 8 сентября по 30 ноября он состоял членом комиссии по пересмотру устава полевой службы. По всей видимости, недавнего «академика» начальство сочло более подходящим для умственной работы. Грамотный офицер был замечен в Петербурге и с 30 ноября 1906 г. по 15 января 1907 г. состоял членом комиссии по пересмотру образцов пехотного снаряжения. Однако и после этого Селивачёва не отпустили в полк, взяв в комиссию генерал-адъютанта Н. П. Зарубаева, учреждённую при Главном штабе, в которой наш герой состоял с 15 января по 30 апреля 1907 г. Лишь 10 мая, после долгого восьмимесячного отсутствия, Селивачёв вернулся к командованию своим батальоном.

Пребывание в столичном военном округе накладывало отпечаток на службу, в которой немало времени приходилось тратить на подготовку к парадам и смотрам. Между тем, Селивачёв стремился ис-

¹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. Л. 12об.

² Там же. Л. 18об., 23, 27об.

³ Там же. Л. 41об.

пользовать всё время на совершенствование боевой подготовки войск. Шагистику и парадную показуху Селивачёв расценивал как пустую трату времени. Фатальное непонимание армейским начальством действительно важных задач в свете приближавшейся большой войны его ужасало и возмущало. 3 июля 1907 г. он записал: «О Боже, Боже! И это после горького опыта прошлой кампании. Грустно становится за будущее, за судьбу армии при подобной её подготовке. Что бы сказали великий Суворов и Скобелев!»¹

17 сентября 1907 г. последовало новое назначение от комитета членом комиссии для производства проверки успешности выполнения принятых Офицерской стрелковой школой программ и правильности постановки курса практических занятий. 22 ноября в качестве поощрения Селивачёву было пожаловано старшинство в чине полковника с 3 октября 1904 г.

Высочайшим приказом от 9 января 1908 г. Селивачёв как старший кандидат на должность командира полка от армейской очереди получил в командование 179-й пехотный Усть-Двинский полк, входивший в состав XX армейского корпуса и квартировавший в Поневеже, на территории Виленского военного округа.

Дневниковые записи прервались в начале сентября 1906 г. и возобновились только в конце июня 1907 г., вновь прервались во второй половине августа 1907 г. и возобновились в конце июня 1908 г., после чего были прерваны до сентября 1911 г.

Летом 1910 г. забот прибавилось в связи с передислокацией полка в Сызрань. Новую стоянку приходилось устраивать с нуля. Прибыв в богатый фруктами район, солдаты начали объедаться и заболеть инфекционными болезнями. Не облегчало положение командира полка и то, что командующим войсками Казанского военного округа тогда был известный самодурством генерал А. Г. Сандецкий. Из-за этого округ даже получил наименование «дисциплинарного»². От других офицеров Селивачёв слышал, что Сандецкий — настоящий зверь. К удивлению Селивачёва, командующий первоначально отнёсся к вновь прибывшему командиру полка хорошо и даже похвалил полковое учение. Более того, Сандецкий издал приказ по округу с лестными для полка словами, что было беспрецедентным явлением за весь период его руководства округом³.

2 ноября 1911 г. Селивачёв был назначен командиром 4-го Финляндского стрелкового полка. 22 марта 1914 г. за отличия по службе он был произведён в генерал-майоры, а 2 апреля последовало назначение Селивачёва начальником 4-й Финляндской стрелковой бригады⁴, с которой он и пошёл на фронт Первой мировой.

¹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. Л. 44об.

² *Сухомятин В. А.* Воспоминания. Берлин, 1924. С. 240.

³ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. Л. 56.

⁴ Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 года. Пг., 1914. С. 935.

По некоторым данным, полки бригады стали последними сформированными в мирное время частями русской армии¹. Бригада формировалась в Петербургском военном округе.

Как свидетельствовал очевидец событий, «вероятно, не без основания нас стали называть в других частях “селивачи” (т. е. селивачёвцы).

И мы начали работать. Полки надо было сколотить и привить им воинский дух... Генерал Селивачёв непрерывно и зорко следил за ходом формирования... Возвращаясь с ученья, генерал Селивачёв постоянно экзаменовал офицеров из полевого устава тактическими и другими вопросами, вроде: какова дальность полёта пули, можно ли стрелять по закрытым целям и т. п., чем приводил в восторг командира корпуса, генерала барона Бринкена»².

Бригада вступила в войну в составе XXII армейского корпуса (в корпус входили 1-я, 2-я, 3-я и 4-я Финляндские стрелковые бригады — всего 16 двухбатальонных полков при 8 пулемётах каждый) 10-й армии. Перед отбытием на фронт бригаду приветствовали вдовствующая императрица Мария Фёдоровна и великий князь Михаил Александрович³.

Новая война стала важнейшим периодом жизни и службы Селивачёва. В эти годы он в полной мере проявил свои выдающиеся командные качества, и хотя некоторые его действия вызвали критику и нарекания, показал себя весьма энергичным командиром⁴.

В августе-сентябре 1914 г. бригада Селивачёва участвовала в боях под Августовом. С 18 по 20 сентября бригада наступала на Сувалки, тогда же произошёл двухдневный кровавый лесной бой у деревни Гаврихруда, который Селивачёв оценивал как наиболее кровопролитный для его бригады к тому времени⁵. Тогда на части 3-й и 4-й бригад обрушился корпус противника. В ходе сражения, как отмечалось в журнале военных действий XXII корпуса, бригаа-

¹ *Бастунов В.* О формировании 4-ой Финляндской стрелковой бригады (краткая историческая справка) // Военная быль. 1966. Сентябрь. № 81. С. 37.

² *Архинов М. Н.* Воспоминания о Первой мировой войне // Военная быль. 1968. Март. № 90. С. 22.

³ Там же. С. 23.

⁴ Критическую оценку деятельности Селивачёва в сентябрьских боях 1915 г. см.: *Свечин А. А.* Искусство вождения полка. М., 2005. С. 386, 395, 399, 410, 414, 415, 417, 420. Впрочем, сам Свечин в дневнике Селивачёва за 3 марта 1916 г. был охарактеризован как «дикий по характеру» (РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 22. Л. 2об.). В других дневниковых записях отношение Селивачёва к Свечину и его инициативам также резко отрицательное. Так, 23 сентября 1915 г. Селивачёв записал, что идея Свечина наступать ни на чём, кроме его собственной блажи, не основана (РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 18. Л. 44). Генерал отмечал скверный характер Свечина, жаловавшегося на всех вокруг. Вполне естественно, окружающие платили Свечину тем же (Там же. Л. 45).

⁵ *Сергеевский Б. Н.* Пережитое. 1914. М., 2009. С. 87.

да оказалась в критическом положении¹. Тем не менее, Селивачёву удалось обратить немцев в бегство. За этот бой генерал был представлен к награждению орденом Св. Георгия 4-й ст., но тогда представление не прошло².

По свидетельству участника тех боев, поручика Я. Демьяненко, Селивачёв оказался «очень способным и дельным начальником»³, а в боях под Сувалками немцам было нанесено одно из первых поражений. Бои продолжались непрерывно до начала октября, пока 3 октября бригада не была отведена в резерв командующего 10-й армией в районе Августова, однако уже с 5 октября бои с участием бригады Селивачёва возобновились. Высокую оценку этому периоду деятельности Селивачёва дал выдающийся военачальник русской армии, командующий 10-й армией генерал В. Е. Флуг, считавший своего подчинённого энергичным командиром⁴.

С 19 октября 1914 г. бригада Селивачёва наступала на город Лык, который был занят нашими войсками 24 октября. Затем бригада стала продвигаться вглубь Восточной Пруссии к городу Арис, также вскоре занятому войсками Селивачёва. Взяв Арис, войска Селивачёва выдвинулись к линии озёр, заняв эти позиции и укрепившись на них. В ноябре бригада находилась в корпусном резерве. С развёртыванием позиционной войны ярких событий в жизни бригады до конца 1914 г. больше не происходило.

Исполнявший должность начальника штаба бригады капитан М. Н. Архипов оставил интересные воспоминания о боевой работе бригады. По свидетельству Архипова, Селивачёв проявлял немалое гражданское мужество, защищая бригаду перед командованием от вовлечения в авантюрные операции: «Селивачёв, человек беззаветной храбрости, шедший в самые опасные места, отстоял отход своей бригады после боя под Августовым, где она могла понести отдельное поражение в роли “стратегического авангарда”. А затем на р. Малкиен отказался от боя за переправу широкой реки, где могли быть большие и напрасные потери. Мы не входили тогда в критику вождения войск, но понимали, что доблестные войска имеют плохое руководство»⁵.

О штабе бригады Архипов писал: «Я должен сказать несколько слов о составе штаба бригады генерала Селивачёва. В боях при нём была боевая часть штаба. Всю кампанию 1914 г. начальником штаба был автор этих строк, так как настоящий начальник штаба,

¹ РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 583. Л. 22.

² РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 12. Л. 50.

³ Демьяненко Я. Бой финляндских стрелков 19 сентября 1914 г. в Августовских лесах // Военная быль. 1960. Январь. № 40. С. 10.

⁴ Флуг В. Е. Очерк действий 10-й армии в сентябре 1914 года // Архив Гуверовского института (Hoover Institution archives, Stanford university, HIA). В.Е. Flug collection. Box 2. С. 22.

⁵ Архипов М. Н. Воспоминания о Первой мировой войне // Военная быль. 1969. Январь. № 95. С. 15.

полковник граф Каменский, был ранен в первом же бою, эвакуирован и вернулся в бригаду в 1915 г., уже на Юго-Западном фронте. Затем был начальник связи — сперва поручик 16-го (Финляндского) стрелкового полка Святогор, но он был убит в первом же бою и был заменён артиллеристом поручиком Сафоновым, потом поручиком Демьяненко. К боевой части штаба принадлежал и командир казачьего взвода, приданного к бригаде, — это был донской казак сотник Шапкин, разделявший с нами всю боевую штабную работу»¹.

Архипов вспоминал об эпизодах осени 1914 г., когда он и Селивачёв едва не погибли: «Артиллерийский огонь немцев был, как всегда, подавляющим; снарядов они не жалели и “прочёсывали” Орловский лес, проходя очередями чемоданов лесные дороги. Под такой “прочёс” попали и мы: генерал Селивачёв, я, сотник Шапкин и 3 казака, по узкой дорожке, гуськом, отправившиеся лесом к соседям для ориентировки в обстановке. Неожиданно — очередь чемоданов у самой нашей дороги (точность пристрелки!). Лошади понесли. Когда мы их сдержали, то оказалось, что одного казака нет с нами; вернулись назад, — он лежал убитым»². В ещё более критической ситуации Селивачёв с Архиповым оказались под Кленовой Гурой, где попали под обстрел двух немецких батарей: «Несколько минут продолжался у р а г а н н ы й (разрядка автора — А. Г.) огонь, попережку шрапнелью и гранатами; пристрелка немцев была настолько точная, что надо удивляться, как мы уцелели (ранена была только лошадь командира бригады кобыла Бирутка, да был прострелен сапог у сотника Шапкина). Гранаты рвались у самого дома, засыпая нас мокрой землёй, а шрапнели рвались над самой головой, так что я здесь впервые слышал “звон стакана”: когда шрапнель, разрываясь в воздухе, выпускает свои 265 пуль, то раздается звон её стального стакана. Через некоторое время, видимо, считая, что здесь всё кончено, немцы прекратили эту стрельбу, лишь изредка, для проверки, бросая шрапнель — другую»³.

8 января 1915 г. закалённую кровопролитной борьбой с германцами бригаду Селивачёва в составе корпуса перебросили на Юго-Западный фронт (в район Львова), куда она прибыла 19 января. Однако и немцы для спасения Австро-Венгрии также перебрасывали сюда войска с Северо-Западного фронта, образовав Южную армию генерала А. фон Линзингена. Первоначально корпус был включён в состав 8-й армии генерала А. А. Брусилова, а с конца февраля вошёл в состав 9-й армии генерала П. А. Лечицкого, оказавшись на её правом фланге⁴. Если бы не эта переброска, как полагал Селивачёв, бригада должна была испытать печальную судьбу,

¹ Там же. С. 13.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Подробнее см.: *Каширин В. Б.* Взятие горы Маковка. Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010. С. 55.

выпавшую на долю XX армейского корпуса (занял тот же участок фронта), попавшего в начале февраля 1915 г. в окружение в Августовских лесах¹. По свидетельству М. Н. Архипова, переброска корпуса происходила крайне медленно и стала периодом полного отдыха². Буквально на следующий день по прибытии бригада оказалась втянута в позиционные бои на хребтах Мыта и Растично. К 25 января 1915 г. были заняты позиции у деревень Козювка, Росохач, Оравчик. Столкновения здесь продолжались до 28 апреля, после чего начался отход с Карпат.

В годы войны Селивачёв по-прежнему оставался суровым критиком армейских неурядиц — очковтирательства, погони за чинами и орденами, бюрократизации управления войсками, формализма, эгоизма и нераспорядительности командования, отсутствия взаимовыручки, неналаженности тыла. Основания для присущих Селивачёву критических отзывов в отношении организации военного управления в русской армии имелись. Предметом особого беспокойства генерала в 1915 г. стал дефицит боеприпасов. Селивачёва справедливо возмущало то, что, требуя отчётности во всём, командование вводило ограничения на расходование снарядов. Активность своей артиллерии помимо урона врагу была важна с моральной точки зрения, для поднятия боевого духа войск. Вскоре ситуация с нехваткой снарядов стала просто катастрофической. Между тем у немцев наблюдался переизбыток боеприпасов. Доходило до абсурда, когда в ротах кричали, что нет патронов, а в ответ из немецких окопов доносилось приглашение приходить к ним, так как у них боеприпасов много³. Прибытие во второй половине февраля 1915 г. на позиции противника тяжёлой артиллерии, в частности, 150-мм тяжёлых гаубиц, лишь усугубило разрыв в боевом снабжении сторон⁴. Гаубицы равняли с землёй блиндажи и окопы закрепившихся на карпатских кручах русских войск. Немцы использовали также лёгкую артиллерию и миномёты⁵. В условиях снарядного кризиса Селивачёв активнее использовал действия диверсионного характера — направлял к позициям противника разведчиков, забрасывавших вражеские окопы гранатами⁶.

3 февраля 1915 г. он написал в дневнике: «Нет, в основании воспитания армии лежат гнилые основы, требующие безусловного искоренения. Едва ли, однако, за это возьмутся серьёзно, особенно

¹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.

² *Архипов М.Н.* Воспоминания о Первой мировой войне // Военная быль. 1969. Июль. № 98. С. 17.

³ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 11. Л. 5об.

⁴ РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 583. Л. 106об. Впрочем, 13 марта бригаде Селивачёва была придана 2-я гаубичная тяжёлая батарея из 3 орудий (Там же. Л. 120).

⁵ Там же. Л. 119об.

⁶ Там же. Л. 123.

если война будет победоносна...»¹ Это серьёзное заявление, во многом, объясняет идейный выбор Селивачёва в 1918—1919 гг.

К этому времени Селивачёв прочно завоевал авторитет в глазах командира корпуса и своего старого сослуживца, генерала от инфантерии А.-П. Ф. фон ден Бринкена, который даже боялся вызывать Селивачёва для доклада, опасаясь оставить позиции без такого незаменимого начальника. Бринкен справедливо полагал, что В. А. Селивачёв может спокойно обходиться без офицера Генерального штаба при себе².

Селивачёва поражала неосведомлённость старшего командного состава о положении на фронте. Офицеры штаба корпуса и сам Селивачёв не имели представления о том, что творилось на других фронтах, например, в Восточной Пруссии. Разумеется, пребывание в неведении относительно общего хода боевых действий негативно сказывалось на принятии оперативных решений. Психология русского командования отчётливо видна из, казалось бы, незначительного эпизода, описанного Селивачёвым. Командование обратило внимание на то, что потери в его бригаде значительно ниже, чем у других. Объяснялось это тем, что Селивачёв берёт людей и во время артиллерийского обстрела позиций выводил стрелков из окопов в тыл (что было сопряжено с большим риском, например, если бы противник после артподготовки перешёл в атаку, а наши войска ещё не успели вернуться на позиции)³. Пополнения поступали неподготовленными. Кроме того, войска должным образом не снабжались самым необходимым и несли жестокие потери из-за нехватки вооружения и боеприпасов. Тем не менее корпусное начальство посчитало, что более низкие потери не требуют придания Селивачёву артиллерии.

Дневник генерала донёс до нас удивительные картины человеческой заботливости и непоказного патриотизма. 20 февраля 1915 г. супруга Селивачёва прислала мужу 50 пар белья для нижних чинов бригады⁴. Бельё передали в 13-й Финляндский стрелковый полк, где оно пришлось очень кстати, так как солдаты безвылазно сидели в окопах и не могли ни помыться, ни постирать вещи. Кроме белья из дома были присланы пирожки. Причём, как отмечал в дневнике Селивачёв: «Пишет, моё сокровище, хороши ли её пирожки и следует ли их посылать, если представится случай!! У нас тут всё, что из дома, имеет особую, необъяснимую ценность и вкус...»⁵

Талантливый военный историк и публицист А. А. Керсновский утверждал, что горная война в Карпатах по своей сложности и героизму превосходила легендарный переход А. В. Суворова через Альпы: «Каково было в продолжение шести месяцев брать каждый

¹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 7. Л. 24об.

² РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 11. Л. 67.

³ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 9. Л. 43об.

⁴ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. Л. 22.

⁵ Там же.

день по Чёртову мосту, да ещё защищаемому пулемётами? А ведь боевая работа 3-й и 4-й стрелковых бригад, 65-й, 78-й дивизий, VII, VIII, XII, XXI, XXII, XXIV и III конного корпусов как раз и состояла в этом! И по окончании горного похода войска эти ждал не отдых в Фельдкирхе, а двухнедельное побоище на Сане, затмившее всё предыдущее, и затем три месяца непрерывных боёв»¹. Керсновский отмечал: «Финляндские стрелки XXII корпуса получили боевое крещение в сентябре 1914 г. в Августовских лесах. Но настоящую свою славу стяжали они в Карпатах в первую зиму войны героической, превзошедшей Шипку, защитой Козювки... Четыре финляндские бригады два месяца подряд держали мёртвой хваткой всю Южную германскую армию Линзингена...»²

Во второй половине апреля 1915 г. бригада Селивачёва была переименована в дивизию, а 12 мая 1915 г. Селивачёв был высочайше утверждён её командующим. О том, какой характер носили бои на участке Селивачёва, свидетельствует дневниковая запись от 4 мая 1915 г.: «После отбитой атаки к(оманди)р 16-го полка доложил, что против одной из рот такое количество трупов, что скоро нельзя будет из окопов стрелять... Ужас!!!»³

Храброго, талантливое и трудолюбивое командира заметили. 26 февраля 1915 г. за отличия в делах против неприятеля он был награждён орденом Св. Станислава 1-й ст. с мечами, а 27 марта 1915 г. — мечами к ордену Св. Владимира 3-й ст. Приказом войскам 8-й армии от 18 апреля 1915 г., утверждённым высочайшим приказом от 10 ноября 1915 г., Селивачёв за упорные бои с 25 января по 27 февраля 1915 г. у деревни Росохач удостоился Георгиевского ордужия⁴.

Высочайшим приказом от 1 сентября 1915 г. Селивачёв за отличие в бою 7 мая 1915 г. у деревни Гай Вышний (между городами Дрогобыч и Стрый) был награждён орденом Св. Георгия 4-й ст.⁵, 10 июля он удостоивается ордена Св. Анны 1-й ст. с мечами за бои в период с 24 октября по 1 декабря 1914 г., а 8 октября 1915 г. — ордена Св. Владимира 2-й ст. с мечами за бои с 28 февраля по 15 апреля 1915 г. (первоначально за это он был представлен к чину генерал-лейтенанта⁶) и Высочайшего благоволения.

На обстоятельствах, при которых Селивачёв 7 мая 1915 г. совершил подвиг, следует остановиться подробнее. В двадцатых числах апреля 1915 г. по причине тяжёлых потерь и в условиях неограни-

¹ Керсновский А. А. История русской армии: в 4 т. М., 1992—1994. Т. 4. 1915—1917 гг. М., 1994. С. 171.

² Там же. С. 187.

³ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 13. Л. 27об.

⁴ Описание подвига см.: Ганин А. В. Последние дни генерала Селивачёва. С. 252—255.

⁵ Описание подвига см.: Там же. С. 256—260.

⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26979. Л. 218об.; Ф. 96. Оп. 1. Д. 14. Л. 27об.

ченного боезапаса артиллерии противника XXII армейский корпус перешёл к обороне на Карпатах¹. В результате Горлицкого прорыва германо-австрийцев русские войска были вынуждены с боями отступать из Западной Галиции и оставить карпатские перевалы, чтобы закрепиться в Восточной Галиции, воспользовавшись рубежами рек Сан и Днестр. С 30 апреля XXII армейский корпус с арьергардными боями отходил на Стрыйскую укрепленную позицию. Отступавший корпус действовал уже в составе 11-й армии генерала Д. Г. Щербачёва. Формулировка приказа о награждении Селивачёва орденом Св. Георгия 4-й ст. была следующей: «За то, что 7 мая 1915 г., когда австрийцы в превосходных силах атаковали его позицию у деревни Гай Вышний и в нескольких пунктах прорвали её, генерал-майор Селивачёв, находясь под сильным огнём противника, организовал и предпринял контратаку, в результате которой отбросил австрийцев за деревню Семёновку, а затем перешёл в наступление частями своей дивизии и укрепился на заранее намеченной позиции, чем обеспечил положение войск своего корпуса»².

Что же произошло в тот день? Накануне на участке дивизии Селивачёва сложилась критическая ситуация. С 19 часов 6 мая австрийцы (против дивизии находились 38-я и 40-я гонведные дивизии и бригада полковника Ферстера³) открыли ураганный артиллерийский огонь по позициям 14-го и 16-го полков, после чего атаковали по всему фронту этих полков, нанося главный удар по правому флангу позиции. Артобстрел был такой силы, что уже к 21 часу окопы трёх рот 14-го полка были практически срыты, окопы остальных рот сильно повреждены⁴. Тем не менее финляндцы отбили несколько атак. Лишь к 2 часам ночи артиллерия противника стихла, но через час австрийцы пошли в атаку и возобновили артобстрел. Стрелки 13-го и 14-го полков, как отмечалось в журнале военных действий корпуса и в других документах, участвовали в страшной штыковой схватке⁵. В бою погиб командир 2-го батальона 14-го полка капитан Сомов, были заколоты штыками командиры 8-й и 9-й рот штабс-капитан Тонких и подпоручик Орлов. Прапорщики-командиры трёх других рот получили ранения, но остались на поле боя. Ранены и подобраны своими командиры ещё двух рот. Австрийцы смогли прорваться на участке 14-го полка, причём ширина прорыва достигала версты. В результате боя были перебиты телефонные провода 14-го полка, связь (в том числе с батареями) приходилось поддерживать с помощью посыльных, что снижало эффективность обороны, снарядами были разбиты и 3 пулемёта полка. 14-й полк понёс большие

¹ РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 583. Л. 131.

² РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26979. Л. 106.

³ РГВИА. Ф. 2538. Оп. 2. Д. 67. Л. 23об.

⁴ РГВИА. Ф. 2538. Оп. 2. Д. 7. Л. 215об.

⁵ РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 583. Л. 143об.; Ф. 2538. Оп. 2. Д. 7. Л. 216—216об.

потери. Так, из 8-й роты уцелело только 6—7 человек¹. Большие потери наблюдались и в других ротах, но и противнику этот успех обошёлся дорого. Как сообщал впоследствии временно командующий 14-м полком подполковник Боровский, «потери противника очень велики, превосходят наши, по крайней мере, в два раза. В некоторых местах были целые груды тел, а некоторые окопы были совершенно завалены трупами»².

Переменчивая обстановка вызвала панику, в результате которой приказы не выполняли не только нижние чины, но даже офицеры. Около 5 часов утра две группы стрелков неуставленного полка, подняв белый носовой платок и белый флаг, добровольно сдались австрийцам³. 14-й полк отходил на тыловую позицию на восточной окраине деревни Делява, причём командир полка лично ходил на разведку, так как стрелки были готовы сдать в плен.

Наступавшие австрийцы зверствовали. На позиции 14-го полка трудились безоружные рабочие, которых противник захватил в плен. Чтобы они в сложной боевой обстановке не смогли убежать, австрийцы перебивали им ноги⁴.

Лично наводить порядок и останавливать отступавших приходилось самому Селивачёву. Он приказал двинуть в бой последний резерв — три роты 13-го полка. По приказу командира корпуса на выручку Селивачёву и для прикрытия отхода дивизии утром 7 мая был направлен батальон 5-го Финляндского стрелкового полка⁵, вместе с которым Селивачёв выступил в направлении противника. По свидетельству командира полка, полковника Н. Н. Шиллинга, в том бою «Селивачёв, ввиду создавшейся серьёзной обстановки, лично находился в передовых частях, ободряя своим присутствием стрелков, которых артиллерия противника положительно засыпала ураганным огнём. Спокойно отдавая распоряжения и направляя роты на более угрожаемые пункты, генер(ал)-майор Селивачёв своим мужеством, спокойствием вселял стойкость и твёрдость в своих подчинённых, а та энергия, с которой отдавались распоряжения, придавала ещё больше энергии подчинённым начальствующим лицам. Присутствие генер(ал)-майора Селивачёва среди стрелков поднимало у них дух, и его приказание атаковать и отбросить прорвавшиеся части австрийцев было немедленно приведено в исполнение...»⁶

Организовав оборону 5-го полка по дороге на деревню Семёновка, Селивачёв направился в деревню Делява, где находился штаб 16-го полка. Оценив обстановку, Селивачёв распорядился отвести

¹ РГВИА. Ф. 2538. Оп. 2. Д. 7. Л. 218.

² Там же. Л. 220.

³ Там же. Л. 222.

⁴ Там же. Л. 219об.

⁵ Там же. Л. 194.

⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26979. Л. 222.

войска на тыловую позицию и оборонять её, во что бы то ни стало¹. Однако утром тыловую позицию пришлось оставить, но затем стрелки перешли в контратаку и сбили австрийцев, вернув тыловую позицию. К обеду Селивачёв получил значительные подкрепления, что позволило стабилизировать положение.

Потери дивизии в тот день красноречиво свидетельствуют о напряжённости сражения. Дивизия потеряла 1 офицера и 832 нижних чина убитыми, 10 офицеров и 946 нижних чинов ранеными, 8 офицеров и 784 нижних чина пропавшими без вести, а всего убыль составила 19 офицеров и 2 562 нижних чина², кроме того, артиллерийским огнём противника было разбито 6 пулемётов дивизии³. Таким образом, потери составили почти треть дивизии. Тем не менее дивизии Селивачёва удалось взять в тиски и захватить в плен наступавший австрийский батальон⁴. За этот бой Селивачёв удостоился благодарности командующего 11-й армией генерала Д. Г. Щербачёва: «Горячо благодарю генерала Селивачёва, доблестные полки и батареи 4-й Финляндской стрелковой дивизии за молодецкие бои. Представьте широко к наградам. 604. Щербачёв»⁵.

Согласно записи из фронтового дневника капитана (позднее — генерал-майора) А. И. Верховского, относящейся к началу мая 1915 г., «в 4-й Финляндской стрелковой бригаде⁶ на двенадцатый день боя расстреляны последние патроны, и пополнить их было неоткуда. Австрийцы, обнаглев, совершали все передвижения открыто и пошли в атаку густыми сомкнутыми массами, а у наших стрелков не было ни одного патрона. 4-я бригада не удержалась и отошла. Её блестящий начальник, генерал Селивачёв, выехал к отступавшим, сам в цепи подбадривал людей, и действительно ему удалось остановить отход на следующем лесном рубеже. Когда же сверху пришёл обычный грозный запрос, кто виноват в неудачном бою бригады, Селивачёв с достоинством ответил: «Побеждают мои полки, а если несём неудачу, то виноват я один». Вот бы нам побольше Селивачёвых! Наверное, не было бы такого позора, который мы переживаем сейчас»⁷. Приписываемая Селивачёву фраза «Побеждают полки, мне вверенные, а если терпят поражения, то в этом виноват я один!» по легенде была обращена к командующему 11-й армией генералу Д. Г. Щербачёву, который потребовал от

¹ РГВИА. Ф. 2538. Оп. 2. Д. 67. Л. 34об.—35.

² РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 13. Л. 68об.

³ Там же. Л. 69. В журнале военных действий дивизии приведены несколько отличающиеся данные (РГВИА. Ф. 2538. Оп. 2. Д. 67. Л. 46об.).

⁴ *Архинов М. Н.* Воспоминания о Первой мировой войне // Военная быль. 1969. Сентябрь. № 99. С. 19.

⁵ РГВИА. Ф. 2538. Оп. 2. Д. 67. Л. 47.

⁶ К этому времени — дивизии.

⁷ *Верховский А. И.* Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914—1918 гг.). Пг., 1918. С. 31.

Селивачёва найти и наказать виновных в отступлении¹. В принципе, эта история, учитывая резкость Селивачёва, могла иметь место.

Один из руководителей Белого движения на Юге России, генерал-генштабист П. С. Махров, оставил следующую характеристику Селивачёва: «Я лично знал Селивачёва ещё в 1915—1916 гг. (правильно, в 1915 г. — *А. Г.*), когда он в армии генерала Брусилова командовал одной из стрелковых дивизий 22-го Финляндского (правильно — армейского. — *А. Г.*) корпуса генерала фон Бринкена. Я тогда исполнял должность генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. Селивачёв несколько раз заходил ко мне по делам службы. Ему было тогда лет сорок пять. Он был небольшого роста, коренастый, но не полный. Самым характерным в его внешности была его голова, напоминавшая редьку, обросшую внизу большой, длинной, густой, тёмной бородой, и (с) небольшой копной волос на макушке. Это был очень энергичный, живой, весёлый человек и прекрасный боевой начальник дивизии, который терпеть не мог пассивность и всегда стремился вперед. Он очень хорошо окончил академию Генерального штаба, но по каким-то причинам не был переведён в Генеральный штаб, на что, безусловно, имел право и все данные. Злые языки говорили, что его не допустили в Генеральный штаб из-за формы его головы, хотя она и была у него умной.

Этой несправедливости Селивачёв никак не мог простить и не любил офицеров Генерального штаба². Он замечал все их мелкие ошибки и промахи и, будучи очень остр на язык, язвительно высмеивал при всех. С начальством он держался независимо, с подчинёнными — доброжелательно. Начальство не любило Селивачёва, но его ценили, так как он был незаменим в боях, особенно в трудные минуты боевых операций. Лично мне он был очень симпатичен, и я относился к нему с большим уважением»³. Подобная оценка, высказанная противником Селивачёва по Гражданской войне, дорогого стоит.

Тяжёлыми оказались и бои середины мая 1915 г. Положение усугублялось глубочайшим патронным и снарядным кризисом, когда командование 11-й армии требовало соблюдения дисциплины огня, сбора патронов у убитых, стрельбы только на близком расстоянии и хранения патронных ящиков за пределами окопов⁴. Между тем, ходили слухи о переброске против финляндских стрелков немецких частей и тяжёлой артиллерии.

¹ Керсновский А. А. История русской армии: в 4 т. М., 1992—1994. Т. 3. 1881—1915 гг. М., 1994. С. 285.

² Столь категоричная оценка справедлива лишь отчасти.

³ Махров П. С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооружёнными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 93, 94.

⁴ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 13. Л. 74об.—75.

20 мая 1915 г. дивизия расположилась на Днестре. В период отступления во второй половине мая произошла новая реорганизация — дивизию передали в состав VI армейского корпуса генерала В. И. Гурко. Перевод в новый корпус был сопряжён с конфронтацией между неуживчивым Селивачёвым и новым начальством.

Отступление русских войск продолжалось, дивизия в период с 5 по 10 июня вела отступательные бои и закрепилась на позиции на северном берегу Днестра, где выдержала трёхдневный бой у местечка Бобрка. Пребывание в новом корпусе, к счастью для Селивачёва, оказалось кратковременным. Уже в июне Селивачёв отметил в дневнике: «С большим удовольствием расстался с Гурко и его штабом — дал бы Господь, чтобы на всё время!!!»¹ Сам Гурко в своих воспоминаниях дал положительную оценку дивизии Селивачёва, которая активно участвовала в боях и действиях которой ознаменовали успешный поворот в операции².

14—15 июня дивизия отошла за р. Гнилая Липа и дралась у города Бржезаны вновь в составе родного для Селивачёва XXII корпуса. Воевать приходилось в новых условиях — уже не было Карпатских гор, бои шли на равнине, к тому же почти всё время было светло. Противник активно использовал тяжёлую артиллерию, которой практически не имели наши войска. Сохранялись и негативные особенности предыдущего периода, в частности, присылка никому не годных, не обученных пополнений.

28—30 июля дивизия погрузилась в эшелоны на станции Броды и была переброшена на германский фронт, на станцию Кошедары, куда прибыла 3 августа. На Северо-Западном фронте в те дни разворачивались драматические события, связанные с оставлением крепости Ковно, которую сдали немцам 5 августа в результате обстрела тяжёлой артиллерией почти без сопротивления. В плен попало около 20 000 человек, врагу достались колоссальные запасы военного имущества, которого так не хватало русским войскам. Впоследствии бежавший комендант крепости генерал В. Н. Григорьев предстал перед судом и был приговорён к ссылке в каторжные работы.

После высадки дивизии Селивачёва началось наступление на Ковно и бои в составе XXVI армейского корпуса 10-й армии. Однако успеха добиться не удалось, войскам пришлось отступать с боями к городу Новые Троки, ожесточённые бои у которого с превосходящими силами противника шли во второй половине августа. Дивизия прикрывала железную дорогу Вильно—Гродно и подступы к Вильно, участвуя в кровопролитной Виленской операции.

В сентябре дивизия дралась под местечком Крево. К этому времени войска были предельно измотаны и деморализованы огромными

¹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 15. Л. 65.

² *Гурко В. И.* Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914—1917. М., 2007. С. 146—147.

потерями. Численность дивизии к 15 сентября составляла лишь 94 офицера и 1 626 штыков — менее четырёх батальонов при 25 пулемётах и 10 орудиях¹. Пополнения прибывали совершенно не подготовленными. В некоторых маршевых ротах имелись стрелки, обучавшиеся всего один день². По оценке начальника дивизии, укомплектования собраны «из всякого сброда, не проходившего обучения и стрельбы и морально развращённого»³. Ухудшался и офицерский состав, комплектовавшийся малоподготовленными прапорщиками военного времени. Выжившие за первый год войны кадровые офицеры были утомлены. По мнению Селивачёва, по мере затягивания войны они стали требовать для себя больше комфорта и личных удобств⁴. По замечанию А. А. Свечина, управление дивизии, опустошённой потерями, — это «биржа безработных командиров полков или командиров батальонов»⁵. При этом начальник дивизии был связан различными ограничениями по рукам и ногам — не мог даже переместить части на позиции без разрешения командира корпуса. «Вот вам и самостоятельность нач(альни)ка дивизии!!!!» — печально констатировал Селивачёв⁶.

В начале октября дивизия сосредоточилась в районе местечка Беница в резерве XXVI армейского корпуса, после чего перешла в резерв V Кавказского армейского корпуса в район деревни Конюхи. Затем её перебросили в окрестности Николаева официально для укомплектования и пополнения. На самом же деле корпус, а с ним и дивизия оказались в далёком от прежней дислокации Николаеве не случайно. Осенью 1915 г. в самом разгаре находилась секретная подготовка масштабной десантной экспедиции в Болгарию и корпус вошёл в состав экспедиционной армии⁷.

Командование делало всё возможное, чтобы обеспечить экспедиционные войска всем необходимым. Потрёпанные части должны были пополниться личным составом и имуществом. Для десанта в пополнениях отбирали лучших солдат. Однако русская Ставка отказалась от рискованной десантной экспедиции, а 7-я армия была переброшена в Галицию. С середины октября по конец ноября дивизия в боях не участвовала. 21 ноября дивизия выехала из Николаева, а в декабре пополнившаяся дивизия в составе V Кавказского армейского корпуса 7-й армии приняла участие в наступлении в районе Пилявы.

¹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 18. Л. 30об.

² Там же. Л. 32.

³ Там же. Л. 36.

⁴ Там же. Л. 56об.

⁵ Свечин А. А. Искусство вождения полка. С. 418—419.

⁶ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 18. Л. 26.

⁷ Там же. Л. 77об.; Д. 19. Л. 4. Подробнее об этой несостоявшейся экспедиции см.: *Каширин В. Б.* Несостоявшаяся экспедиция русских вооружённых сил на Балканы осенью 1915 года // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 175—203.

Позицию в районе деревень Пилява—Плоца в районе р. Стрыпа (восточнее города Бучач) и высоты 387 заняли стрелки, которые провели здесь половину декабря 1915 г., январь и почти весь февраль 1916 г. Начальник дивизии многое делал для укрепления этой позиции, лично осматривал траншеи, инструктировал офицеров. 1 января 1916 г. во время одного из осмотров позиций Селивачёв оказался на волосок от гибели. Едва он вышел из окопа в 15-м полку, как этот окоп был разнесён гаубичной гранатой. Генерал при этом не пострадал¹.

Селивачёв стремился учить войска, а не заниматься бесконечными проверками, как делали другие. Стрелков, привыкших к инспекциям дряхлых генералов, такой подход удивлял². Не смущали Селивачёва и устоявшиеся стереотипы, например, о том, что учить командира полка «неудобно». По всей видимости, Владимир Иванович был военачальником, воспринявшим и использовавшим в руководстве войсками и в их подготовке методы суворовской школы, военным профессионалом, боровшимся с канцелярщиной и чиновничьим подходом к делу.

24 февраля дивизия отошла в район Подволочиска и Тарноруды в резерв армии, а 25 февраля была передана в резерв 8-й армии и вошла в состав VIII армейского корпуса. В районе города Ровно в резерве дивизия простояла до 16 мая 1916 г. Как раз в период бездействия дивизии с 26 февраля по 24 апреля 1916 г. Селивачёв был эвакуирован с фронта по болезни.

Как уже не раз отмечалось, Селивачёв критически оценивал командный состав русской армии, критиковал его инертность, стремление выслужиться и сохранить свои посты за счёт жизней солдат, что отразилось в его дневниковых записях и в повседневном общении. Эти резкие критические отзывы были, во многом, справедливы, а суждения Селивачёва отличались глубиной и пронизательностью и позволяют лучше понять как причины неудач русских войск в Первую мировую войну, так отчасти и причины революционных потрясений.

Вскоре после возвращения Селивачёва к войскам началось наступление Юго-Западного фронта. Стрелки прорвали фронт и участвовали в преследовании противника в авангарде корпуса от Луцка и на переправах через р. Полонку. В период с 29 по 31 мая 1916 г. дивизия сосредоточилась в районе местечка Суск в резерве XXXIX и V Сибирского армейских корпусов, к 3 июня была передана в состав XXX армейского корпуса, а затем на протяжении большей части июня побригадно действовала в XXX и V Сибирском армейских корпусах. В конце июня — начале июля произошло новое переподчинение — на этот раз командование I Туркестанского армейского корпуса. На

¹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 20. Л. 35об.

² РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 21. Л. 30об.

протяжении июля стрелки Селивачёва участвовали в жестоких боях на Стоходе.

Трезво оценивая обстановку, Селивачёв отказывался вести дивизию (точнее временно остававшуюся в его подчинении вторую бригаду) на убой, штурмуя немецкие позиции, требовал артиллерийской поддержки, чтобы проделать проходы в проволочных заграждениях. Безграмотное руководство войсками, ведшее к большим жертвам, вызывало у Селивачёва возмущение. Типичными в то время были заявления командования, например, при невыдаче войскам переправочных средств для форсирования водных преград в духе: «Тут нужны не средства, а отвага»¹. В штабе армии Селивачёву угрожали отрешением от должности за невыполнение приказа, на что он твёрдо заявил: «Отрешайте, но приносить бесполезно в жертву дивизию я не могу и не хочу»².

В начале августа дивизия Селивачёва готовилась к прорыву позиций противника на Стоходе. 6 августа 1916 г. стрелки по инициативе своего начальника форсировали реку и захватили Червищенский плацдарм на западном берегу, взяв большие трофеи (1 146 пленных, 1 орудие, 4 миномета, 18 пулемётов). Потери самой дивизии тоже были велики. Если на 4 августа в ней было 203 офицера, 9 375 штыков при 58 пулемётах и 19 бомбомётах, то на 9 августа — 158 офицеров, 4 740 штыков и 49 пулемётов³. Таким образом, потери нижних чинов достигали половины первоначального состава, офицерский состав потерял 23 %. В боях осколками снарядов были ранены 2 лошади Селивачёва⁴, в 10 шагах от палатки генерала в его отсутствие, 15 августа, разорвалась шрапнель, пробив палатку.

Позднее дивизию переподчиняли то командованию XVI армейского корпуса, то вновь командованию I Туркестанского. 22 сентября 1916 г. Селивачёва произвели в генерал-лейтенанты со старшинством с 27 мая 1916 г. и утвердили в должности начальника дивизии. С 8 сентября по 19 ноября дивизия находилась на позициях в районе Гулевичи—Рудка Миринская. Во второй половине ноября она была перебросена в город Кременец и в период с 24 ноября 1916 г. по 27 февраля 1917 г. занимала позиции в районе деревень Колодно—Новики—Ихровица—Плешковице—Вертелка—Иванчаны, причём с января 1917 г. располагалась там в качестве резерва командующего 11-й армией. С 28 февраля по 3 апреля дивизия находилась на позиции по линии деревня Гнидава—Лес Хукалиовце в составе XVII армейского корпуса. В общей сложности, по наблюдению самого Селивачёва, его дивизия за годы войны переменила 34 корпуса и 14 армий⁵, что не

¹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 25. Л. 8.

² Демьяненко Я. Река Стоход и Рудка-Червищенский плацдарм // Военная быль. 1966. Июль. № 80. С. 28.

³ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 25. Л. 23.

⁴ Там же. Л. 20об., 34.

⁵ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27. Л. 26а об.

свидетельствует о высоком уровне организации старой армии и продуманности таких переподчинений. Селивачёв обращал внимание на неспособность власти осуществить отбор грамотного командного состава на высшие посты. Система подготовки и организации русской армии вызывала у генерала постоянное раздражение, в результате чего по окончании мировой войны он собирался оставить военную службу, полностью в ней разочаровавшись.

В дневниковой записи от 2 февраля 1917 г. Селивачёв уловил меняющуюся обстановку в стране и фактически предсказал революцию: «Недовольство в народе становится сильнее и сильнее, несмотря на то, что полиция, кроме пулемётов, получила уже и бронированные автомобили... Революция неминуема, хотя, думаю, что она пройдёт у нас проще, так как даже гвардия (по словам Мих(аила) Никол(ае)вича) Архипова) против существующего режима и правительства»¹.

О Февральской революции генерал узнал 3 марта 1917 г. от немцев, которые вывесили на передовой плакат с кратким изложением событий². В ожидании подтверждения из Ставки Селивачёв с тревогой отметил: «Ужасное переживаем время!!!»³ После получения подтверждения об отречении императора Николая II Селивачёв отметил: «Господи, Господи — помози нам справиться с нашей великой задачей. Вот, до чего довела государя его слепота по отношению к государыне. По слогу Манифеста совершенно ясно, что он продиктован государю от 1-го до последнего слова. Да и дан он во Пскове (подчёркнуто Селивачёвым. — А. Г.) с ясной тенденцией отклонить от государя всякое влияние, могущее повести к колебаниям и нерешительности»⁴. Разумеется, под «великой задачей» генерал понимал доведение войны до победного конца, чему, как и многие другие представители военной элиты страны, считал важным подчинить все стороны государственной жизни.

Случившееся шокировало генерала. Чуть ниже в тот же день он записал: «Все ещё не могу опомниться от совершившегося — вот превратность судьбы — вот вам и блеск царского трона и могущество власти!!!»⁵ Однако уже в записи от 4 марта проскальзывают и радостные нотки: «Всё министерство из числа октябристов, левых и трудовиков — это явная гарантия за то, что ни о каком сепаратном мире с Германией и мечтать не будут... Не это ли начало конца Германии?? Тем более, что и Великий князь Николай Николаевич — ярый противник немцев»⁶. В дальнейшем в дневнике встречаются размышления о вероятности различных антинемецких слухов. Например, того, что

¹ Там же. Л. 15об.

² Там же. Л. 45об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 46.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 47об.

от бывшей императрицы шёл кабель для разговоров с Берлином¹. Доверчивость генерала к подобным нелепостям вызывала удивление современников и непонимание, как во главе армии может стоять такой наивный человек². Но Селивачёв был не одинок в своих подозрениях — схожие мысли высказывали и другие представители генералитета³.

Другим тревожившим Селивачёва слухом было то, что императору советовали открыть Западный фронт немцам и подавить революцию с помощью противника. Селивачёв в этой связи находил подозрительным, что на этом фронте больше года не было успехов и что главнокомандующий фронтом генерал А. Е. Эверт, по циркулировавшим тогда новостям, якобы единственный не откликнулся на отречение императора⁴. Ответственность за многочисленные провалы во внутривойсковых вопросах и неудачи на фронте генерал возлагал на пронемецкое, по мнению Селивачёва, окружение Николая II. Неприятие вызывало присутствие при дворе Г. Е. Распутина, к приверженцам которого Селивачёв относил и военного министра В. А. Сухомлинова⁵.

Фронт всегда чувствителен к слухам о предательстве в тылу. Исходя из этого, становятся понятнее мотивы поддержки генералитетом отречения императора Николая II. Разумеется, для критического настроения в отношении старого режима существовали и объективные причины — представители генералитета всерьёз опасались того, что Российская империя при сложившихся порядках попросту не сможет довести войну до победы. И на страницах военного дневника Селивачёва тревожные и критические записи регулярно встречаются. Но существенную роль слухов и домыслов о предательстве вокруг трона отрицать не приходится. Развитие событий показало, что генералы в своих фобиях относительно изменников при дворе ошиблись, а санкционированная в разгар войны высшим генералитетом смена императора привела к непредсказуемым революционным последствиям, в том числе, в конечном итоге, к развалу армии и поражению России.

Размышляя о социальных причинах революции, 8 марта генерал записал: «Удивительно хорошо соображён момент: даже гвардия не имеет прочного кадра старых офицеров, не говоря уже об армии,

¹ Там же. Л. 51.

² *Раунах Р. Р., фон. Facies Hippocratica (Лик умирающего): Воспоминания члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 года.* СПб., 2007. С. 147.

³ Подробнее см.: *Ганин А. В.* Генштабисты и Февральская революция // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: сб. докладов международной научной конференции. СПб., 2017. С. 208—264.

⁴ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27. Л. 53об. В действительности Эверт был в числе сторонников отречения. Подробнее см.: *Ганин А. В.* Главком Западного фронта Алексей Эверт: Мы предатели своего государя! // *Родина.* 2017. № 2. С. 49—53.

⁵ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 25. Л. 11об.

сплошь состоящей из третьего сословия — извозчиков, печников и т. п. Несомненно, что после войны революция была бы более кровавая, а теперь — провинция просто-таки присоединилась — это опять доказательство того, что политическая жизнь страны в руках её политических центров»¹.

Селивачёв понимал пагубность революционной смуты и анархии для армии. В записи от 6 марта о попытках разоружать офицеров он отметил, что «анархия начинает уже действовать»². Страницы дневника сохранили его свидетельства о развале армии, об анонимках солдат на офицеров. Неприятие генерала вызывала мимикрия старших офицеров в угоду новым веяниям. В дневниковой записи от 20 марта 1917 г. он отмечал: «Помощником военного министра назначен генерал Маниковский, который шёл впереди толпы с красным знаменем. — Вот наши бывшие приверженцы монархического строя, заживавшие своими речами за царя. — Сколько же лжи и неправды сплотилось вокруг царского трона!!!»³ В этой фразе заметен и критический настрой Селивачёва в отношении павшей монархии.

Оценку взглядам Селивачёва дал Н. Е. Какурин — другой советский военный специалист и первый публикатор фрагментов дневника генерала⁴. В вычеркнутых фрагментах своего предисловия Какурин в марте 1924 г. констатировал, что «сочувствие автора, безусловно, на стороне того либерального, говоря, конечно, относительно, направления в кругах нашего высшего командования, представителем которого в армии до февральской революции считали генерала Алексеева»⁵.

По мнению Какурина, автора дневника «можно было бы отнести к передовым людям своего сословия.

Поэтому дневник эпохи февральских и последующих за ними дней представляет интерес и в том ещё отношении, что, читая его, мы видим, как преломлялась революция в сознании таких демократов высшего служилого сословия, каковым, безусловно, являлся генерал Селивачёв.

Действительно, человек скромного происхождения, бедный, без связей и протекции, Селивачёв делал карьеру собственным лбом...

Казалось бы, что происхождение, карьера и взгляды Селивачёва должны были сделать Селивачёва более чем кого-либо другого из сверстников по чину готовым к восприятию революции в целом.

Но случилось иначе.

¹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27. Л. 51об.—52.

² Там же. Л. 50об.

³ Там же. Л. 72об.

⁴ Из дневника ген. В. И. Селивачёва / публ. Н. Какурина // Красный архив (М.;Л.). 1925. Т. 2 (9). С. 104—132; Т. 3 (10). С. 138—174.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6887. Оп. 1. Д. 163. Л. 12.

Селивачёв готов был воспринять революцию лишь как смену лиц, но не смену режима.

Узость его политического кругозора и мышления сказались в том, что из-за внешних форм революции он не мог осознать её сущности, и она устрасила его.

В его представлении революция явилась царством “грядущего хама”, и он не только отшатнулся от неё, но сделался даже её врагом»¹.

Далее Какурин отметил: «С такую же энергией и решительностью, какие он некогда проявлял в борьбе с врагом на полях сражений, он теперь обращается на борьбу с ненавистными ему учреждениями и порядками, порождёнными революцией и, не понимая законов и путей исторического процесса, он падает жертвой этой борьбы»². По мнению Какурина, «записки не теряют своего интереса как документ, в котором по дням отмечается процесс распада старой армии, в своеобразном ракурсе встают те или иные фигуры наших военных деятелей, имя которых останется в истории мировой войны и даже первых дней революции и, наконец, создаётся характеристика тех узких и тёмных политических горизонтов, которые отличали внутреннюю жизнь армии и её руководителей в первые дни февральского переворота, когда даже ответственные руководители армии думали, что в силах Родзянко и Николая II было приостановить процесс революции, заключив Александру Фёдоровну в монастырь! (см. запись от 4 марта)»³. Справедливо и суждение относительно политического кругозора автора дневника: «При дальнейшем чтении записок читатель много раз будет наткаться на места, характерные для политической наивности автора и свидетельствующие о его примитивном знакомстве с историей и пониманием её.

Так, “третье сословие” в его представлении является состоящим из “печников и извозчиков” (см. запись от 8 марта).

Политически безграмотный во всём, что касается вопросов революции, автор сохраняет очень верное чутьё настроения солдатских масс и верно передаёт его»⁴.

Селивачёв тяжело переживал развал армии и падение дисциплины⁵, но прекрасно понимал недостатки системы военного управления и отмечал 28 января 1917 г.: «Неуменье организовать, управлять и наблюдать — вот наше несчастье нашей общей и военной жизни»⁶. По всей видимости, он был готов поддержать любые политические

¹ Там же. Л. 12-14.

² Там же. Л. 14.

³ Там же. Л. 15.

⁴ Там же. Л. 15-16.

⁵ *Алехтин С.* На фронте после революции // Военная быль. № 92. 1968. Июль. С. 34. Также опубликовано в: *Зарождение Добровольческой армии: сб. М., 2001. С. 43.*

⁶ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27. Л. 11об.

силы, способные навести порядок в стране и в армии: «Пора бы ввести настоящую крепкую власть: в ней одной у нас теперь спасение», — записал Селивачёв 13 июля 1917 г.¹ Вполне возможно, что по этой причине он в дальнейшем поддержал выступление генерала Л. Г. Корнилова, а позднее оказался в рядах Красной армии, в отношении которой существовала надежда на обновление заржавевшего военного механизма страны.

3 апреля 1917 г., по распоряжению командующего 11-й армией, Селивачёв отправился в штаб Киевского военного округа для руководства и наблюдения за формированием отделов управления XLIX армейского корпуса. С 16 апреля 1917 г. он командовал этим корпусом, вошедшим в состав 11-й армии Юго-Западного фронта. Корпус формировался с середины марта 1917 г. в Киевском военном округе, причём формирование шло медленно из-за нехватки кадров и средств². В рассматриваемый период, 9 апреля 1917 г., за отличия в делах против неприятеля Селивачёва наградили орденом Белого Орла с мечами. К 25 мая Селивачёв завершил формирование корпуса (82-я пехотная, 4-я и 6-я Финляндские стрелковые дивизии; с конца мая в состав корпуса была включена и Чехословацкая стрелковая бригада, ещё не завершившая формирование).

21 мая корпус начал выдвижение на фронт. Уже 5 июня была получена директива о переходе в наступление около 10 июня с целью разбить противника на путях к Львову³. Готовилось печально известное июньское наступление полуразложившейся армии. Корпусу Селивачёва, наряду с VI армейским корпусом, в этом наступлении штабом 11-й армии была отведена ударная роль, как самым надёжным⁴.

3 июня корпус посетил британский военный атташе генерал А. Нокс, который записал в дневнике: «Вечер 16 июня⁵ провёл в XLIX корпусе, где встретился с его командиром генералом Селивачёвым, очень уравновешенным по характеру человеком. В его жилах, несомненно, есть толика еврейской крови, а голова необычной, похожей на ананас формы, смотрится очень забавно. Как говорят офицеры, из-за этого он не получил назначения в Генеральный штаб, хотя и окончил академию... Я спал в комнате генерала, а в 6.30 на следующее утро выехал с ним на передовую. Мы вернулись обратно примерно в 3.30 пополудни, отшагав в окопах под палящим солнцем примерно 20 километров. Несомненно, с точки зрения физической подготовки генерал Селивачёв является самым энергичным из всех знакомых мне русских генералов. Повсюду он

¹ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 28. Л. 29.

² РГВИА. Ф. 2273. Оп. 1. Д. 28а. Л. 1об., 2об., 3.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни // Генерал Геруа. М., 2018. С. 412.

⁵ 3 июня по старому стилю.

находил приветливое слово для своих солдат. Он старался сделать для них всё, что было в человеческих силах»¹.

Как отмечалось в журнале военных действий корпуса, к 12 июня всё было готово к наступлению², причём «к началу операции почти всеми офицерами был изучен весь район. Тем не менее, центр тяжести всей разработки, всей работы, проведения разработанного плана легло (так в документе. — *А. Г.*) на комкора генерала Селивачёва, с удивительной энергией и настойчивостью, достойной подражания, проведшего талантливо всю разработку операции, не упустившего ни одной, даже мелкой детали в операции во всех её отделах (операт(ивном), артилл(ерийском), медиц(инском), инжен(ерном), интенд(антском) и т. д.)»³. Несмотря на это, в день прорыва командир корпуса едва не остался безо всякой связи, а противник знал место расположения штаба корпуса и регулярно его обстреливал⁴.

План Селивачёва сводился к нанесению главного удара на правом фланге корпуса силами финляндских стрелков в направлении высоты Могила (высота 398). На левом фланге силами двух чехословацких стрелковых полков наносился вспомогательный удар по высоте 392. 18 июня в 9 утра после артподготовки началось наступление, оказавшееся полной неожиданностью для противника, считавшего русскую армию полностью разложившейся. На разных участках корпуса тогда были заняты несколько линий окопов противника, а к 12 часам со значительными потерями взята высота 392.

К вечеру первого дня наступления корпус закрепился на линии высота 392 (южная) — западная окраина деревни Колюхи. Тактический ключ позиции, сильно укреплённая высота Могила (высота 398) и высота 392 (северная) заняты не были.

Наступление продолжилось и на второй день. Тогда у Зборова особенно отличились чехословаки во главе с полковником В. П. Трояновым, которые заняли три линии австрийских окопов, а финляндские стрелки атаковали с развёрнутыми красными знамёнами и к 14 часам овладели высотой Могила (высота 398). В соответствии с поставленной задачей корпус 18—19 июня на участке высота Могила — деревня Колюхи прорвал укреплённую позицию противника и начал его преследование, нанеся поражение IX австрийскому корпусу у Зборова.

Как отмечалось в журнале военных действий корпуса, «вся операция протекла удачно и с исключительным успехом, благодаря искусно проведённой артиллерийской подготовке и всестороннем(у) руководству комкор(а) 49(го) генерала Селивачёва»⁵. А. А. Керс-

¹ *Нокс А.* Вместе с русской армией. Дневник военного атташе 1914—1917. М., 2014. С. 569.

² РГВИА. Ф. 2273. Оп. 1. Д. 28а. Л. 23.

³ Там же. Л. 18об.—19.

⁴ Там же. Л. 19об., 21об.

⁵ Там же. Л. 41.

новский впоследствии писал: «Зборовская победа 19 июня 1917 г. была крещением молодой чехословацкой армии и лебединой песнью финляндских стрелков... Блестящий успех не мог быть развит — тому препятствовало отсутствие конницы и развал пехоты. Вместо того чтобы поддержать истекавших кровью братьев, резервы митинговали...»¹ Многочисленные жертвы оказались напрасными. Очень скоро результаты наступления были сведены на нет из-за нежелания солдат воевать и развала армии.

В разгар наступления Селивачёв получил новое назначение. 21 июня в корпус приехал военный и морской министр Временного правительства А. Ф. Керенский, личным приказом которого Селивачёв, видимо, в качестве поощрения за успех «наступления Керенского», был назначен командующим 7-й армией. В ходе визита Керенский беседовал с делегациями частей, участвовавших в наступлении, и поздравил Селивачёва с высоким назначением². Интересно, что Селивачёв тогда оказал небольшую услугу Керенскому. Сведения об этом сохранились в дневнике генерал-майора А. Е. Снесарева. 26 июня 1917 г. Снесарев записал: «А. Ф. Керенского оплевали в гвар(дейском) гренадерском полку (полк от всего отказывается... попробовал уговаривать); а в 6(-й) Финл(яндской) дивизии вступили с ним в пререкания, грубо и нагло... Селивачёв еле увёл...»³

По свидетельству генерала В. Н. фон Дрейера, «генерал Селивачёв, малопредставительный, небольшого роста, с длинной бородой и плешивой головой в форме бухарской дыни, оказался более на месте, и с тактом и осторожностью, без всяких митингов, привёл распущенные революционные войска к некоторому повиновению»⁴.

Председатель стародружинников Чехословацкой стрелковой бригады полковник Й. Ваврох вспоминал о Селивачёве: «Это был симпатичный генерал, 55 лет⁵, энергичный, мужественный, но при этом добродушный человек. Он ненавидел людей трусливых, коварных и ленивых.

У него была голова особенной формы. Мы её называли “шишастая”, а русские говорили — “двухэтажная голова”, а самого Селивачёва называли “генерал — двухэтажная голова”. В этом прозвище не было насмешки, наоборот, из-за его быстрого ума и наблюдательности верилось, что у него мозг есть как на первом, так и на втором этаже.

¹ Керсновский А. А. История русской армии: в 4 т. М., 1992—1994. Т. 4. 1915—1917 гг. М., 1994. С. 284—285.

² Там же. Л. 44.

³ Дневник А. Е. Снесарева за 1917 г. — Архив семьи Снесаревых. Выражаю глубокую благодарность внучке А. Е. Снесарева А. А. Комиссаровой за предоставленные сведения. Публикацию см.: *Снесарев А. Е. Дневник: 1916—1917*. М., 2014. С. 488.

⁴ *Дрейер В. Н., фон*. На закате империи. Мадрид, 1965. С. 206.

⁵ На самом деле Селивачёву было тогда 49 лет, но, судя по фотографиям, он выглядел гораздо старше своего возраста.

В понимании генерала, больше всего Чехословацкая бригада нуждалась в оружии и медицинской помощи, что он и старался обеспечить по мере сил.

Генерал был человеком дела, а посему ненавидел митинги, предшествовавшие наступлению. Ещё больше ненавидел трусливых (малодушных) ораторов, которые только говорили, а во время наступления дипломатично отходили на задний план.

Результат Зборовской битвы был неожиданно великолепным, в том числе и для Чехословацкой бригады. Пришло много поздравлений, и в газетах много писали о Зборовском бое. Хочу только привести малоизвестное заключение генерала Селивачёва, сказавшего: «За сегодняшний успех благодарю Чехословацкую бригаду».

В долине Цецове возбуждённый до слёз этот храбрый генерал благодарил дружных чехословацких воинов и офицеров.

В штабе не только он, но и все остальные офицеры не находили слов, чтобы высказать своё удивление и восхищение боем¹.

С 22 июня по 9 сентября Селивачёв командовал 7-й армией, сменив на этом посту генерал-лейтенанта Л. Н. Бельковича. Армия вплоть до 6 июля держала оборону позиции против города Бржезаны. Именно Селивачёву удалось спасти войска от возможного окружения противником. Возглавив армию, он сделал всё возможное, чтобы уберечь её от разложения (вплоть до применения артиллерии в отношении бунтовщиков). Комиссары 7-й армии даже жаловались на невозможность работать из-за того, что в армейском руководстве оказались противники революции². Сам Селивачёв не стеснялся высказывать комиссарам своё мнение по принципиальным вопросам управления армией и, как говорили, «усиленно воевал» со своим армейским комиссаром³.

Селивачёв был одним из передовых по своим взглядам представителей высшего командного состава русской армии. Он уделял большое внимание подготовке войск, хотя в условиях развала фронта это было непросто. Ещё 12 июля в письме к жене он откровенно отметил: «Командовать подобными бандами невозможно»⁴. 14 августа 1917 г. в дневнике он записал, что армию «надо учить, учить и учить, так как она совершенно не боеспособна, а прибывающие пополнения только ухудшают её во всех отношениях...»⁵

Генерал внимательно следил за развитием военной науки и техники. Немногие из командующих армиями эпохи Первой мировой войны могли похвастаться, к примеру, полётами на аэропланах

¹ Сведения предоставлены А. и Д. Муратовыми.

² Из дневника ген. В. И. Селивачёва / публ. Н. Какурина // Красный архив (М.;Л.). 1925. Т. 2 (9). С. 106.

³ *Верцинский Э. А.* Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917—1918 года. Таллин, 1929. С. 38.

⁴ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 6а.

⁵ Там же. Л. 5об.

в боевой обстановке. Селивачёв, наряду с другим выдающимся русским генералом того периода П. А. Лечицким, придавал большое значение таким вещам и действительно совершил два полёта в августе 1917 г. Он искренне говорил сопровождавшим его лётчикам: «Вот, где должен находиться командующий армией во время боёв... Разве можно сравнить то, что видишь на наблюдательном пункте, с тем, что развёртывается перед глазами с самолёта»¹.

12 августа Селивачёв записал в дневнике: «С минуты на минуту ожидаются крупные события и вызов корниловцев не позднее 15 авг(уста). Дай Бог Корнилову остаться на месте и справиться с этой разрухой — гидрой!!»² При этом начальник штаба фронта передал Селивачёву требование Корнилова избегать конфликтов и столкновений с комиссарами, так как вскоре ожидалась серьёзная перемена, регулирующие права комиссаров и комитетов³. Эти свидетельства указывают на осведомлённость Селивачёва о планах сторонников Корнилова.

28 августа Селивачёв присоединился к датированной предыдущим днём телеграмме главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала А. И. Деникина, адресованной Керенскому, Корнилову и главнокомандующим фронтами, чем фактически поддержал выступление генерала Л. Г. Корнилова. После этого Селивачёв вместе с начальником штаба генерал-майором графом С. Н. Каменским были отстранены от должностей и 2 сентября арестованы комиссаром 7-й армии Д. П. Сургучёвым.

Обнаруженные нами в коллекции прокурора Р. Р. фон Раупаха в Бахметевском архиве Колумбийского университета в США следственные документы по делу о сторонниках генерала Л. Г. Корнилова на Юго-Западном фронте позволили уточнить ранее известные данные о последствиях корниловского выступления для Селивачёва. В частности, среди документов сохранился рапорт Селивачёва главнокомандующему армиями фронта от 5 сентября 1917 г., в котором генерал подробно описал свой арест: «2 сентября, около 12 часов, в кабинет начальника штаба армии прибыл комиссар VII армии Сургучёв с какой-то комиссией и от имени Временного правительства объявил меня и начальника штаба вверенной мне армии генерал-майора графа Каменского отрешёнными от занимаемых нами должностей и для пресечения нам способов уклонения от суда и следствия арестованными.

У меня и начальника штаба было немедленно отобрано оружие, а к дверям были приставлены парные часовые, комиссия же приступила к обыску и выему документов, каковых обнаружено не было.

¹ Е. Д. и В. Б. Из авиационных воспоминаний // Часовой (Париж). 1930. № 46. 31.12. С. 9.

² РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29. Л. 4об.

³ Там же. Л. 4а.

Членами комиссии были сняты с нас показания по пунктам предъявленного нам обвинения.

Выход из квартиры был воспрещён впредь до вмешательства в это дело командира ординарческого эскадрона, предложившего комиссару установить надлежащий режим, вследствие чего выход за естественными надобностями был разрешён без конвойных.

Часа через три пришедший офицер, член комиссии, доложил мне, что в воздаяние моих заслуг перед Родиной и армией комиссар признал возможным возвратить мне оружие, таковое же впоследствии было возвращено и начальнику штаба.

В 22 часа назначили мне отъезд на ст. Проскуров, при этом ко мне и к начальнику штаба было приставлено по одному офицеру-конвоиру, получившему инструкции от комиссара.

Отъезд мой был определён комиссаром обязательно в этот день, причём причина такой спешности мне не была объявлена.

По частному запросу одного из офицеров у члена следственной комиссии, производившей у нас обыск, найдены ли уличающие нас в мятеже документы, тот ответил, что таковых не найдено вовсе, но что арест необходим, чтобы в газетах было помещено о деятельности комитета и комиссара VII армии, что фактически и было сделано, так как в № 215 от 3 сентября “Киевской мысли” было напечатано донесение Сургучёва под названием “Выступление генерала Селивачёва”, где указывалось, что моё и начальника штаба “дальнейшее пребывание в занимаемых должностях не только недопустимо, но даже угрожает спокойствию армии”.

При моём отъезде из штаба армии на железную дорогу в присутствии всех провожавших меня членов штаба комиссар Сургучёв имел наглость обратиться ко мне с речью, в которой от лица армии благодарил меня за доблестную и полезную для армии службу.

3 сентября мы были доставлены под конвоем тех же офицеров в управление комиссара фронта, помощник которого объявил нам, что мы находимся под арестом. В тот же день после дачи нами устных показаний арест был снят, и караул был снят, но нам не рекомендовали выходить на улицу во избежание могущих быть “эксцессов”.

4 сентября по ознакомлении с изложенными нашими показаниями генерал-лейтенант Батог¹ объявил нам, что мы свободны и должны представиться Вам, что нами и было исполнено². Таким образом, широко распространённые со времён выхода «Очерков

¹ Батог Сергей Александрович (24.09.1863—?) — генерал-лейтенант, военно-полевой прокурор, заведующий военно-судной частью Юго-Западного фронта.

² Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (Колумбийский университет, Нью-Йорк, BAR). R. R. Raupakh collection. Box 2.

русской Смуты» А. И. Деникина данные о пребывании Селивачёва под арестом в бердичевской тюрьме¹, а также о том, что «озверелая солдатня арестовала его и гнала сорок вёрст по грязи до станции железной дороги»², не соответствуют действительности.

2 сентября на допросе в штабе армии Селивачёв заявил: «Я не признаю себя виновным в предъявленном мне обвинении и могу объяснить следующее: во-первых, я с ген. Корниловым виделся всего один раз, когда был вызван им в его вагон вскоре после нашего отступления. Я ему докладывал о выполненной мною операции и просил его об удалении меня, если в моей деятельности есть причины нашего отступления. Я получил от него уверения в противном, и мы расстались. Приказаний о закрытии радиотелеграфных станций я не отдавал. Таковое приказание было получено станциями непосредственно из штаба фронта...»³

На допросе 3 сентября 1917 г. генерал показал, что по получении телеграммы Деникина присоединился к ней, потому что «из телеграммы главкоюза⁴ я вывел заключение, что вопрос идёт о тех мероприятиях по армии, о которых главкоюз говорил с командующими армиями на заседании, бывшем у него в августе (числа не помню) и касавшемся введения кодекса дисциплинарных взысканий и возвращения власти начальникам; вот почему я и адресовал эту телеграмму по вышеупомянутым адресам. Остальные телеграммы, в том числе и телеграмма генерала Корнилова, были получены позднее; по ознакомлении с этими телеграммами я не решил их пускать в армию»⁵.

Сторонникам Корнилова с Юго-Западного фронта генералам А. И. Деникину, С. Л. Маркову, И. Г. Эрдели арест, продолжавшийся и после большевистского переворота, отрезал саму возможность пойти по пути сотрудничества с новой властью, поскольку, оказавшись в руках солдатской толпы, генералы-«контрреволюционеры» неизбежно подверглись бы самосуду, как исполнявший обязанности Верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Духонин. Кроме того, в заключении в Быхове эти генералы оказались вместе с самим Л. Г. Корниловым и другими его активными сторонниками, что привело к сплочению этой группы как будущих лидеров Белого движения на Юге России и выработке совместной политической программы. Однако Селивачёв, благодаря быстрому освобождению, избежал всего этого, в результате его выбор и судьба сложились иначе.

¹ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 1. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль — сентябрь 1917). С. 564.

² Е. Д. и В. Б. Из авиационных воспоминаний. С. 10.

³ ВАР. R. R. Raupakh collection. Box 2.

⁴ Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта.

⁵ ВАР. R. R. Raupakh collection. Box 2.

Ещё в разгар войны Селивачёв принял решение уйти из армии после прекращения боевых действий, теперь же это решение стало бесповоротным. Он решил уволиться по состоянию здоровья, истинная же причина заключалась в невыносимости условий службы и в полнейшем разочаровании. В послужном списке об аресте не говорилось, но отмечалось, что 2 сентября 1917 г. Селивачёв был отправлен в штаб армий Юго-Западного фронта для освидетельствования состояния здоровья на предмет эвакуации внутрь России. 11 сентября его освидетельствовали к эвакуации через Киевский эвакуационный пункт, а 13 сентября он поступил на учёт Петроградского тылового распределительно-эвакуационного пункта. С 20 сентября по 20 ноября Селивачёв числился уволенным в отпуск по болезни. 20 ноября он вернулся на учёт и был вновь уволен в двухмесячный отпуск с 24 ноября 1917 г. по 24 января 1918 г. Следующий двухмесячный отпуск он получил с 25 января по 25 марта 1918 г., причём на основании приказа народного комиссара по военным делам от 29 января 1918 г. № 113, согласно личному желанию, был уволен вовсе от военной службы.

Интересную характеристику генерала оставил его подчинённый в годы Первой мировой войны, будущий гетман Украины П. П. Скоропадский. Селивачёв, по его словам, не сочувствовал украинскому вопросу, но к Скоропадскому лично относился очень хорошо. «Хороший генерал, это тоже один из честных русских генералов. Вообще, как и во всём в России, вечно самые яркие контрасты, также и в среде генералов. Чуть ли не ходячее мнение, что наш высший командный состав плох. Это, по-моему, неверно; среди нашего генералитета были действительно светлые личности, и к таким, между прочим, я причисляю Селивачёва. Но при существующей у нас вечной анархии и справа, и слева честным людям приходится преодолевать несравненно больше препятствий для проявления своей воли и инициативы в полезную сторону, чем где бы то ни было в другой стране... Вообще, это был редко честный человек»¹.

Похожую характеристику оставил и генерал-майор Б. В. Геруа: «Не помню, кто командовал 6-м корпусом, но командира 49-го забыть трудно. Это был генерал Селивачёв, составивший себе вообще, а в те смутные дни в особенности, славу ловкого, толкового и энергичного начальника. Небольшого роста, худой, с необыкновенно длинным лицом, в усах и бороде, точно из-под кисти El Greco, и с ещё более длинным лысым черепом, возвышавшимся в форме цилиндра. Селивачёв обращал на себя внимание. Голова эта сослужила плохую службу Селивачёву в академии Генерального штаба: учился он очень хорошо, а в Генеральный штаб его не выпустили. Сказали: “Нельзя с таким природным цилиндром, над которым будут шутить!”

¹ *Скоропадський П.* Спогади. К.—Філадельфія, 1995. С. 64—66.

Но под цилиндром были отличные мозги, а на войне Селивачёв доказал и свою волю»¹.

По оценке генерала А. И. Деникина, Селивачёв — «прямой, храбрый и честный солдат, который был в большой немилости у комитетов»². По другим оценкам, Селивачёв отличался наивностью и доверчивостью³.

Итак, перед нами храбрый офицер, военный профессионал с блестящей подготовкой и огромным боевым и командным опытом на всех уровнях военного управления до уровня армии включительно. Человек, глубоко и несправедливо обиженный при старом режиме, разочаровавшийся в нём, но не принимавший революционную анархию и считавший, что армия должна быть вне политики. То, что генерал многие годы изо дня в день вёл подробнейший дневник, говорит об определённых чертах его характера — усидчивости, упорстве, силе воли.

19 марта 1918 г. Селивачёв был уволен со службы по собственному желанию с правом свободного проживания в городах Финляндии. Соответствующий документ он получил в финском городе Тавастгус⁴. Уже через несколько месяцев ему пришлось вновь заняться оформлением отставки в целях получения пенсии и вернуться в Советскую Россию, хотя Селивачёв вполне мог этого не делать, а, например, остаться за границей или пойти на службу в одну из антибольшевистских армий.

26 июня 1918 г. Селивачёв подал прошение об увольнении в отставку по болезни: «Будучи эвакуирован по болезни из действующей армии, я был зачислен на учёт при Петроградском тыловом распределительном эвакуационном пункте, от коего и был уволен в отпуск по болезни в Финляндию. Ввиду окончания срока пребывания моего в эвакуации (6 месяцев) и невозможности, вследствие прекращения всякого сообщения с Петроградом, возвратиться из отпуска, я просил тавастгусского окружного воинского начальника об увольнении меня вовсе от службы, в чём и получил удостоверение за № 673.

По возвращении в Петроград я был освидетельствован в состоянии моего здоровья в комиссии при Николаевском военном госпитале, которая и признала меня подлежащим увольнению от службы по болезни с правом на получение пенсии»⁵.

¹ Геруа Б. В. Воспоминания о моей жизни. Генерал Геруа. М., 2018. С. 412—413.

² Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 1. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль — сентябрь 1917). С. 540.

³ Раунах Р. Р., фон. *Facies Hierocratica* (Лик умирающего). Воспоминания члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 года. СПб., 2007. С. 147.

⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173253. П/с 149—082 (1918 г.). Л. 2.

⁵ Там же. Л. 1.

В тот же день Селивачёв написал письмо своему другу Николаю Николаевичу, скорее всего, бывшему генерал-лейтенанту Н. Н. Стогову, ставшему крупной фигурой в РККА — начальником Всероссийского главного штаба: «Дорогой и милый Николай Николаевич!... Оставшись теперь без всяких средств и не имея никакой службы и никакого дела, я подал прошение в Главный штаб об увольнении меня в отставку с пенсией. Это единственный теперь источник моего существования; поэтому получить эту пенсию возможно скорее составляет для меня большой вопрос... Да хранит Вас Господь, родной мой! Целую Вас крепко-крепко. Искренно Вас любящий и глубоко уважающий В. Селивачёв»¹. Из документа следовало, что это уже не первое обращение Селивачёва к Стогову за содействием. По всей видимости, Стогов смог выручить Селивачёва, так как в одном из последующих документов отмечалось, что Всевоглавштаб снёсся с наркоматом по финансам, и пенсия Селивачёву была назначена².

Материальное положение Селивачёвых в конце 1917—1918 гг. было незавидным — семья влачила нищенское существование. После ухода с военной службы бывший генерал трудился в качестве старшего рабочего на мыловаренном заводе с окладом в 500 руб. в месяц³. В поисках заработка Селивачёв хватался за любую чёрную работу — занимался перетаскиванием досок и бочек, работал подёнщиком на заводе⁴. Необходимо было содержать большую семью (жена и шестеро детей), в которой помимо несовершеннолетних детей была и неработоспособная дочь. Но по каким-то причинам возвращаться на военную службу и служить в РККА в этот период он не стремился.

В конце концов, Селивачёву удалось найти соответствующую его квалификации, вполне спокойную и лучше оплачиваемую работу. 25 августа 1918 г. датировано письмо старшего архивариуса, бывшего полковника артиллерии Г. Г. Елчанинова известному военному историку Г. С. Габаеву, руководившему тогда военными архивами в Петрограде:

«Глубокоуважаемый Георгий Соломонович!

Беру на себя смелость направить к Вам Владимира Ивановича Селивачёва, бывшего ком(анди)ра 49-го корп(уса) и ком(андую)щего VII армией, моего старого друга и человека с выдающимся военным именем, — который теперь принужден работать в качестве подёнщика, в страшно тяжёлых условиях, на химическом заводе. Если не теперь, то б(ыть) м(ожет) в недалёком будущем, представится возможность пристроить его к нашему делу, где он, благодаря своей эрудиции,

¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173253. П/с 149—082 (1918 г.). Л. 4.

² Там же. Л. 9.

³ ГА РФ. Ф. А—2306. Оп. 56. Д. 227. Л. 2.

⁴ РГВИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 1. Л. 76; *Автократов В. Н.* Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г. С. Габаева (1877—1956) // Советские архивы. 1990. № 1. С. 70.

высшему образованию, огромному опыту, замечательной памяти — принесёт бесконечную пользу.

Искренно уважающий Вас
Г. Елчанинов»¹.

Бывший генерал уже обладал определённым опытом архивной работы. Ещё в 1897 г. он занимался приведением в порядок архива штаба I армейского корпуса, позднее участвовал в качестве сотрудника в архивных работах по написанию генералом А. М. Зайончковским истории Крымской войны 1853—1856 гг. (для Селивачёва это могло быть данью памяти своему отцу — герою той войны), разрабатывал и лично редактировал «Историю 179-го пехотного Усть-Двинского полка» к его столетнему юбилею, принимал участие в архивно-исторических работах по написанию «Истории 85-го пехотного Выборгского полка»². Считалось, что Селивачёв может принести незаменимую пользу в деле изучения материалов Первой мировой войны, живым свидетелем и участником многих событий которой он был. К тому же он владел французским и немецким языками.

С конца августа 1918 г. Селивачёв работал в первом петроградском отделении третьей (военно-морской) секции Единого государственного архивного фонда (с 1 сентября 1918 г. был там заведующим отделом³) под руководством Г. С. Габаева, здесь же трудился будущий зять Селивачёва Д. Д. Зуев⁴. Последний в своих показаниях по делу «Весна» так характеризовал этот период жизни Селивачёва: «На империалистическую войну он вышел начальником 4-й Финляндской стр(елковой) бригады и к концу был командармом. По демобилизации уехал в место квартирования бригады, гор(од) Таммерфорсе, где с семьёй пережил пассивно финскую Гражданскую войну, а затем, видимо под влиянием национальных побуждений — со всей семьёй (жена, три сына, три дочери), с незначительным багажом, с большими трудностями весной 1918 г. приехал в Петроград. В Красную армию не шёл, а работал, где придётся, и летом 1918 г. с роли катая на Калашниковской набережной был включён Габаевым в число работников военной секции Главархива. Зав(едующий) Главархивом Д. Б. Рязанов сразу его выделил и перевёл в Москву на должность зав(едующего) военной секцией всех архивов РСФСР»⁵.

Причина карьерного взлёта Селивачёва на архивном поприще, по всей видимости, заключалась в том, что осенью 1918 г. Зуев и Га-

¹ РГВИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 1. Л. 73.

² Там же. Л. 74.

³ Коротков А. В. Военные архивы в первые годы Советской власти (1918—1921) // Советские архивы. 1990. № 4. С. 66.

⁴ Автократов В. Н. Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г. С. Габаева. С. 70.

⁵ Семейный архив Д. Д. Зуева и О. Н. Хлестова (Москва).

баев стремились остаться в Петрограде, а Селивачёв не имел ничего против того, чтобы переехать в Москву¹. По оценке военного историка Н. Л. Кладо, Селивачёв — «прекрасный полководец, Генерального штаба (значит, подготовленный к историческим работам) и умный и работающий человек»².

Перебравшись в Москву, Селивачёв поселился на Маросейке, где для него и его семьи было реквизировано полквартиры Беловых³, а 1 ноября 1918 г. поступил на службу в Главное управление архивным делом (ГУАД) в должности заведующего первым московским отделением третьей секции Единого государственного архивного фонда с окладом в 1 000 руб.⁴

Архивное ведомство в то время было идеальным пристанищем для десятков бывших офицеров, не желавших участвовать в братоубийственной войне или содействовать большевистскому режиму. Но Селивачёв не просто пережидал Гражданскую войну, он вёл активную работу по сохранению уникальных архивов по истории русской армии, составлял различные доклады, настаивал на упорядочении архивов, заботился о положении архивистов⁵.

В начале декабря 1918 г. произошла реорганизация секции, в которой работал бывший генерал. Первое и второе петроградские и первое московское отделения третьей (военно-морской) секции Единого государственного архивного фонда были подчинены заведующему третьей секцией⁶, которым с 15 декабря 1918 г. стал Селивачёв, пошедший таким образом на повышение. Его новый оклад достигал 1 300 руб. Помимо этого, Селивачёв стал членом коллегии Главного управления архивным делом.

Вполне возможно, Селивачёв контактировал с антибольшевистским подпольем в Москве, руководителем военной составляющей которого был его друг Стогов. На этот счёт сохранилось чрезвычайно важное свидетельство. Глава московской подпольной антибольшевистской организации «Национальный центр» кадет Н. Н. Щепкин сообщал своим соратникам в Екатеринодар шифром по системе «Азбука»

¹ РГВИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 13. Л. 150.

² Цит. по: *Автократов В. Н.* Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г. С. Габаева. С. 76.

³ Протокол допроса Д. Д. Зуева 08.01.1931 // *Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР 1930—1931 годы. М., 2000. С. 362. Сын Селивачёва Борис проживал по этому же адресу на момент своего ареста 29 августа 1937 г. (Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]: аннотир. указ. «Книги памяти жертв полит. репрессий в СССР»: база данных имён жертв полит. террора. 4-е изд. М., 2007. 1 CD-ROM). Члены семьи проживали там и после Великой Отечественной войны.

⁴ ГА РФ. Ф. А—2306. Оп. 56. Д. 227. Л. 1; РГВИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 1. Л. 167.

⁵ Российский государственный военно-исторический архив. История в документах. 1797—2007. М., 2011. С. 369—370; *Поликарпов В. Д.* Начальный этап Гражданской войны (История изучения). М., 1980. С. 168.

⁶ РГВИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 13. Л. 189.

25 ноября 1918 г.: «На случай ухода большевиков принимаются меры, дабы в Москве поддержать порядок. Для этого есть военная организация, небольшая, но понемногу растущая. Национальный Центр полагает, что нужно всемерно торопить союзников, представляя всю серьёзность положения... Пришлите нам призыв Деникина к офицерам и его обстоятельные указания для ближайшего и более отдалённого периодов. Мы заручились содействием генерала Селивачёва»¹.

Были и другие свидетельства причастности Селивачёва к подполью. Зять Селивачёва Д. Д. Зуев сообщал 5 апреля 1931 г. в своих показаниях по делу «Весна»: «Вскоре он (Селивачёв. — А. Г.) по совместительству был привлечён в качестве руководителя Военной академии РККА². Дважды был арестован ВЧК, причём, первый раз довольно быстро освобождён хлопотами Рязанова. Ему инкриминировалось участие в к(онтр)р(еволюционном) заговоре, в котором он, будто бы, фигурировал в качестве будущего диктатора Москвы под буквами В.И.С. Было ли что-то в действительности или нет — не знаю, но что были какие-то бумаги, которые были скрыты в момент обыска, об этом впоследствии говорил кто-то из семьи. Второй арест был гораздо продолжительнее и закончился принятием должности помощника командующего Южным фронтом (командующий тов(арищ) Егорьев)... Со слов Д. И. Нечкина (помощник Д. Б. Рязанова по Институту КМ и ФЭ³ по музею), в бытность его зав(едующим) Центр(альным) упр(авлением) архивов Турк(естанской) республики, где я с ним работал, Рязанов был недоволен, что Селивачёв во время своего второго ареста “на что-то согласился”, “в чём-то признался”, так как ему — Рязанову — будто бы уже совершенно удалось добиться освобождения Селивачёва и сохранения его в архиве»⁴.

Один из руководящих работников ВЧК, М. Я. Лацис, указывал на Селивачёва как на руководителя подпольной объединённой офицерской организации, однако с этим трудно согласиться. Помощником Селивачёва, по версии Лациса, был бывший генерал-лейтенант В. И. Соколов. Инициалы последнего, между прочим, совпадали с инициалами потенциального диктатора Москвы, зашифрованного буквами В.И.С. (согласно протоколам допроса Зуева), так что речь могла идти как о Селивачёве, так и о Соколове. Офицером для поручений в организации значился бывший полковник Б. М. Иванов, начальником разведки — бывший генерал-майор Б. А. Левицкий⁵.

¹ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905 — середина 1930-х гг. М., 1998: в 6 т. Т. 3. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915—1920 гг. С. 531.

² Очевидно, имеется в виду должность военного руководителя по предметам.

³ Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

⁴ Семейный архив Д. Д. Зуева и О. Н. Хлестова (Москва).

⁵ *Лацис (Судрабс) М. Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор двухгодичной деятельности Чрезвычайных Комиссий по борьбе

Кроме них в организации состоял Н. Н. Стогов. Все эти лица были арестованы, причём Левицкий и Соколов расстреляны¹, Стогов сумел бежать к белым, а Иванов находился под арестом в 1920—1921 гг. Указанные лица действительно играли руководящую роль в московском антибольшевистском подполье. Что касается самого Селивачёва, других данных о его подпольной работе пока не обнаружено.

Только в декабре 1918 г., сравнительно поздно, Селивачёв оказался на службе в Красной армии. Первоначально он работал сотрудником-составителем в комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг. при Всероссийском главном штабе. Некоторое время он совмещал эту работу с архивной службой, что удавалось с трудом, причём Селивачёв даже просил освободить его от работы в комиссии². Селивачёв должен был заниматься периодом Первой мировой войны с сентября 1916 г. по начало Февральской революции, а также действиями на Румынском фронте³.

Одновременно бывший генерал преподавал в академии Генштаба РККА и на курсах разведки и военного контроля. После того, как совместительство было ограничено, он был вынужден оставить работу в комиссии⁴.

В 1919 г. Селивачёв долгое время провёл под арестом в Бутырской тюрьме по обвинению в принадлежности к подпольной объединённой офицерской организации⁵. Первый кратковременный арест произошёл 9 февраля 1919 г. Какое-то время бывший генерал находился на свободе. Во всяком случае, уже с 24 февраля он возобновил участие в заседаниях коллегии ГУАД и участвовал в них регулярно до 12 апреля включительно⁶. 4 марта Селивачёв написал заявление председателю комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг.: «Не имея возможности регулярно посещать заседания коллегии, а равно и совмещать должности по

с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности. М., 1920. С. 35.

¹ Впрочем, по новейшим официальным данным ФСБ, известно лишь о заключении В. И. Соколова 27 июня 1919 г. в лагерь «на всё время Гражданской войны» (*Залесский К. А.* Последний георгиевский кавалер: генерал-лейтенант Владимир Соколов // Николаевская академия Генерального штаба (1832—1918). СПб., 2018. С. 247).

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 405.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 60. Л. 174об.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 130об.

⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 326; Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 414.

⁶ Архивы и власть: Первое послереволюционное десятилетие. Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918—1928 гг.: сб. док.: в 2 т. М., 2018. Т. 1. 1918—1920 гг. С. 149, 194.

комиссии и по архивному управлению, прошу об отчислении меня от должности сотрудника-составителя»¹. В тот же день его просьба была удовлетворена², а с 6 марта он официально считался отчисленным от должности сотрудника-составителя комиссии³.

Однако период пребывания Селивачёва на свободе, пришедшийся на конец февраля — начало апреля 1919 г., оказался непродолжительным. 15 апреля 1919 г. одна из дочерей Селивачёва (вероятно, Татьяна) обратилась к главкому И. И. Вацетису по телеграфу с просьбой помочь в освобождении отца из тюрьмы: «Отец Владимир Селивачёв арестован (в) Бутырской тюрьме, горячо прошу содействия. Дочь»⁴. Дата его второго ареста неизвестна, но, по всей видимости, она относится к середине апреля 1919 г. Главком Вацетис даже упомянул о Селивачёве в своём докладе председателю Совета рабоче-крестьянской обороны В. И. Ленину от 18 апреля. Вацетис писал: «На днях арестован также товарищ Селивачёв, который намечался командующим Восточным фронтом. Селивачёв мне известен был ещё до войны, и никогда не был монархистом, наоборот, при монархии он был в числе гонимых.

Оба эти ареста (речь шла и об аресте ещё одного бывшего офицера — Г. И. Теодори. — *А. Г.*), вместе взятые, создают такое впечатление, что в центре растерянность и что там, не надеясь на генеральный штаб Красной армии, забирают заблаговременно заложников, каковыми, по-видимому, являются Теодори и Селивачёв»⁵.

Освободить генерала не удалось. 19 июня 1919 г. главком И. И. Вацетис писал Л. Д. Троцкому: «Прилагая копию письма г. Селивачёва, прошу сообщить, не встречается ли с Вашей стороны препятствий к назначению его на какую-либо должность на фронт и на какую именно»⁶. Между тем, по данным на 21 июня 1919 г., следствие по делу Селивачёва ещё продолжалось⁷.

Зять Селивачёва, сотрудник ГУАД, бывший полковник Д. Д. Зуев сообщал на совещании управляющих петроградскими отделениями секций Единого государственного архивного фонда 10 июля 1919 г. об итогах своей поездки в Москву, что «только благодаря исключительной заботливости Д. Б. Рязанова избежал опасности быть расстрелянным В. И. Селивачёв. Теперь он будет переведён из одиночного заключения в концентрационный лагерь и затем получит назначение по военному ведомству. Согласно распоряжению

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1043. Л. 135.

² Там же. Л. 137.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 11. Л. 34об.

⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 66. Л. 233.

⁵ Большевицкое руководство. Переписка. 1912—1927: сб. док. М., 1996. С. 87.

⁶ РГВА. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 587.

⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 326.

Д. Б. Рязанова, Селивачёв включён в требовательную ведомость»¹. Вскоре Селивачёв был освобождён и практически сразу, несмотря на отсутствие надлежащего стажа службы в РККА, получил ответственное назначение.

С середины лета 1919 г. определяющее значение для исхода Гражданской войны приобрели события на Южном фронте, где развернулась ожесточённая борьба между частями Красной армии и наступавшими на советский центр формированиями Вооружённых сил на Юге России под общим командованием генерал-лейтенанта А. И. Деникина.

Поводом для назначения Селивачёва на фронт послужили разногласия между новым главкомом С. С. Каменевым и командующим Южным фронтом В. Н. Егорьевым по вопросу реализации разработанного Каменевым плана контрнаступления. Председатель РВСР Л. Д. Троцкий решил, что эту ситуацию можно использовать для кадровых перестановок в руководстве фронта. Очень кстати оказалось и то, что к этому времени уже практически неделю на самом высоком уровне обсуждалось возможное назначение на какой-либо руководящий пост бывшего генерала Селивачёва². О нём неожиданно вспомнили, в результате чего в его жизни открылась последняя и, пожалуй, наиболее загадочная страница.

Зондирование возможного высокого назначения освобождённого из тюрьмы бывшего генерала началось в 20-х числах июля 1919 г. 21 июля вопрос о его назначении на пост командующего 13-й армией обсуждался на заседании РВСР. Кандидатура Селивачёва была предложена главкомом С. С. Каменевым и членом РВСР С. И. Гусевым в связи с болезнью командовавшего армией А. И. Геккера. Было принято решение назначить Селивачёва, если не последует возражений со стороны Троцкого, однако, это назначение не состоялось³.

27 июля 1919 г. Троцкий телеграфировал Ленину, что командующий Южным фронтом В. Н. Егорьев не верит в успех намеченного главкомом Каменевым контрнаступления. «Единственный выход — немедленная (до начала операции) смена командюжа⁴ лицом, которое

¹ ГА РФ. Ф. Р—5325. Оп. 9. Д. 65. Л. 178; «Спасены архивные дела, фактически спасены от гибели». Из протоколов руководящих органов управления архивным делом в 1918—1928 гг. (1918—1919 гг.) / публ. О. Н. Копыловой, Т. И. Хорхординой // Отечественные архивы. 2010. № 4. С. 94—95.

² Вопрос о его деле был внесён в повестку дня пленума ЦК РКП(б) 3—4 июля 1919 г. и обсуждался 4 июля. — Деятельность Центрального Комитета партии в документах (события и факты) 1 июля — 30 сентября 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2 (301). С. 140. И. Т. Смилге было поручено ознакомиться с делом, встретиться с Селивачёвым и подготовить доклад РВСР. — Там же. С. 145.

³ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. М., 1997. С. 268, 271.

⁴ Командюж — телеграфное сокращение должности командующего Южным фронтом.

признаёт оперативный авторитет Главкома и разделяет его план. Может быть, Селивачёв сойдётся с Каменевым, тогда он должен быть немедленно назначен пом(ощником) командюж с тем, чтобы через неделю — две быть назначенным командюж. Жду указаний, Троцкий»¹. Таким образом, Троцкий сразу прочил Селивачёва, не имевшего ещё никакого командно-штабного опыта в РККА и к тому же долгое время находившегося под подозрением и в тюремном заключении, ни много ни мало на пост командующего советским Южным фронтом. Документального объяснения этому беспрецедентному лоббированию пока нет. В тот же день Троцкий потребовал немедленно командировать Селивачёва в распоряжение РВС Южного фронта².

Ленин в своей ответной телеграмме от 28 июля 1919 г. проигнорировал предложение Троцкого относительно Селивачёва³. По всей видимости, он просто не придавал значения этому предложению, а, быть может, сознательно не хотел выдвижения на высокий пост кандидата Троцкого. Последний был возмущён и резко ответил 29 июля: «Отправку помощником Селивачёва после предварительной беседы с ним Главкома считаю крайне желательной. На это единственное предложение не отвечено, а рекомендовано внушать правила дисциплины»⁴. В результате настойчивого продвижения Троцким кандидатуры Селивачёва назначение бывшего генерала всё-таки состоялось.

Уже 30 июля 1919 г.⁵ он получил крупную должность помощника командующего советским Южным фронтом (официально проведено приказом РВСР по личному составу армии № 131 от 25 августа 1919 г.⁶) и 1 августа отправился к месту назначения⁷. Стремительное назначение, возможно, объясняется спешной подготовкой наступления фронта и острой потребностью в опытных специалистах, к числу которых, безусловно, относился Селивачёв. Куда делись былые подозрения, — непонятно. На новом посту Селивачёв находился вплоть до своей неожиданной смерти в сентябре 1919 г.

3 августа Троцкий решил обосновать своё недавнее продавливание кандидатуры Селивачёва перед ЦК РКП(б) при помощи иностранных философских рассуждений:

«Назначение Селивачёва по существу. Конечно, политбюро, надеюсь, никому не собирается гипнотически внушать доверия к оперативному авторитету. Тут нужны некоторые более серьёзные гарантии. Назначение Селивачёва и является в моих глазах такого рода

¹ Рукописный оригинал — РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 258 об.; опубликовано в: *Краснов В. Г., Дайнес В. О.* Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М., 2000. С. 204.

² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 209.

³ *Ленин В. И.* Военная переписка. 1917—1922 гг. М., 1987. С. 191.

⁴ Цит. по: *Краснов В. Г., Дайнес В. О.* Указ. соч. С. 205.

⁵ ГА РФ. Ф. А—539. Оп. 3. Д. 419. Л. 48.

⁶ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 271.

⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 918. Л. 216.

относительной гарантией не только по отношению к Козлову,¹ но и по отношению к Москве, т. е. если там будут делаться серьёзные промахи, то Селивачёв своевременно тактичным советом (если захочет) поправит без конфликта. Видимость будет соблюдена, и план будет проводиться как нужно. Селивачёв во всяком случае всеми признаётся умным, способным и знающим человеком. Весь вопрос в том, в какой мере он захочет быть добросовестным и активным. Но если он останется чисто пассивным исполнителем, вреда и тогда не будет, а небольшая польза будет, так как в повседневной работе он не сможет не вносить те или другие поправки в работу Козловского командования.

Отсюда небольшой вывод. При всей полноте веры в оперативный авторитет нет основания отказываться от кое-каких дополнительных практических гарантий, которые в дальнейшем ходе событий могут оказаться надёжнее веры и надёжнее самого авторитета, а в настоящее время обеспечивают только наилучшее (т. е. наиболее свободное от грубых промахов) проведение намеченного плана... Р. С. Назначение Селивачёва состоялось. Полагаю, что демонстративное укомплектование Реввоенсовюж² отпало. Стало быть, инцидент исчерпан. Л. Т.»³

В этом послании Троцкий охарактеризовал В. И. Селивачёва как «авторитетного и опытного в оперативном смысле человека, через которого можно будет иметь некоторую проверку как сомнений, колебаний, так и фактических ошибок ... дело будет поставлено с достаточной основательностью, вполне обеспечивающей проведение плана»⁴. Для придания большего веса своим словам Троцкий отметил, что в такой оценке с ним солидарен член РВС Южного фронта Г. Я. Сокольников.

Этот документ свидетельствует о том, что назначение Селивачёва далось Троцкому нелегко. По всей видимости, прежде чем начать борьбу за кандидатуру Селивачёва, Троцкий консультировался в отношении его профессиональных качеств с кем-то из военспецов и получил блестящие отзывы. Троцкий не мог хорошо знать Селивачёва, почти не служившего ранее в РККА. В то же время необходимость пространных обоснований свидетельствует об острых разногласиях, которые вызывало в советском военно-политическом руководстве ответственное назначение никому не известного и находившегося под подозрением бывшего генерала. Не менее странным выглядит назначение такой фигуры и в контексте ещё не улегшихся страстей по поводу июльских арестов ставленников Троцкого в Полевом штабе РВСР.

¹ Штаб Южного фронта.

² РВС Южного фронта.

³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 272—272об.; опубли. в: *Краснов В. Г., Дайнес В. О. Указ. соч. С. 208.*

⁴ Цит. по: *Краснов В. Г., Дайнес В. О. Указ. соч. С. 206.*

Наряду с назначением помощником командующего Южным фронтом, Селивачёв возглавил ещё одну (помимо группы В. И. Шорина) ударную группу войск Южного фронта, созданную по распоряжению командующего Южным фронтом В. Н. Егорьева в начале августа 1919 г. для нанесения вспомогательного удара по войскам Деникина на харьковском направлении. В качестве командующего группой Селивачёв упоминался в директиве армиям Южного фронта № 8815/оп от 13 августа 1919 г.¹ Основной удар в соответствии с первоначальным планом Каменева наносила группа Шорина, на которую возлагались задачи овладения Царицыным и Новочеркасском. Кандидатура Селивачёва как командующего группой работникам Полевого штаба РВСР казалась очень удачной².

Членами РВС группы Селивачёва стали В. А. Барышников и В. Х. Ауссем, одновременно являвшиеся и членами РВС 8-й армии — основы только что созданной группы. В состав группы вошли 8-я армия А. И. Ратайского (12-я, 15-я, 16-я, 33-я, 40-я стрелковые дивизии, бригада 31-й стрелковой дивизии), часть 13-й армии А. И. Геккера (3-я, 42-я стрелковые дивизии, 13-я отдельная кавалерийская бригада), Воронежский укрепрайон (в оперативном подчинении с 22 августа 1919 г.³), резерв группы (13-я стрелковая дивизия и бригада 31-й стрелковой дивизии).

14 августа Троцкий с гордостью сообщал своему заместителю Э. М. Склянскому по прямому проводу для передачи в ЦК: «Снова посетил 13-ю и 8-ю армии. Выполнена огромная работа. Готовый ударный кулак обеих армий составляет 30 тысяч штыков, 2 тысячи сабель, прекрасно оборудованных артиллерией, бронепоездами, бронепоездами. Настроение частей вполне наступательное. По всем обстоятельствам успех на этом направлении обеспечен. Успех скажется немедленно на укр(аинском) фронте приостановкой деникинского наступления, что даст возможность 14-й армии использовать все данные ей материальные, организационные элементы для превращения в боеспособную армию. Выезжаю на левый фланг для ознакомления с главной ударной группой»⁴. Вождь РККА, таким образом, лично приехал благословить своего протеже Селивачёва на проведение операции. Но, как оказалось, оптимизм Троцкого был преждевременным.

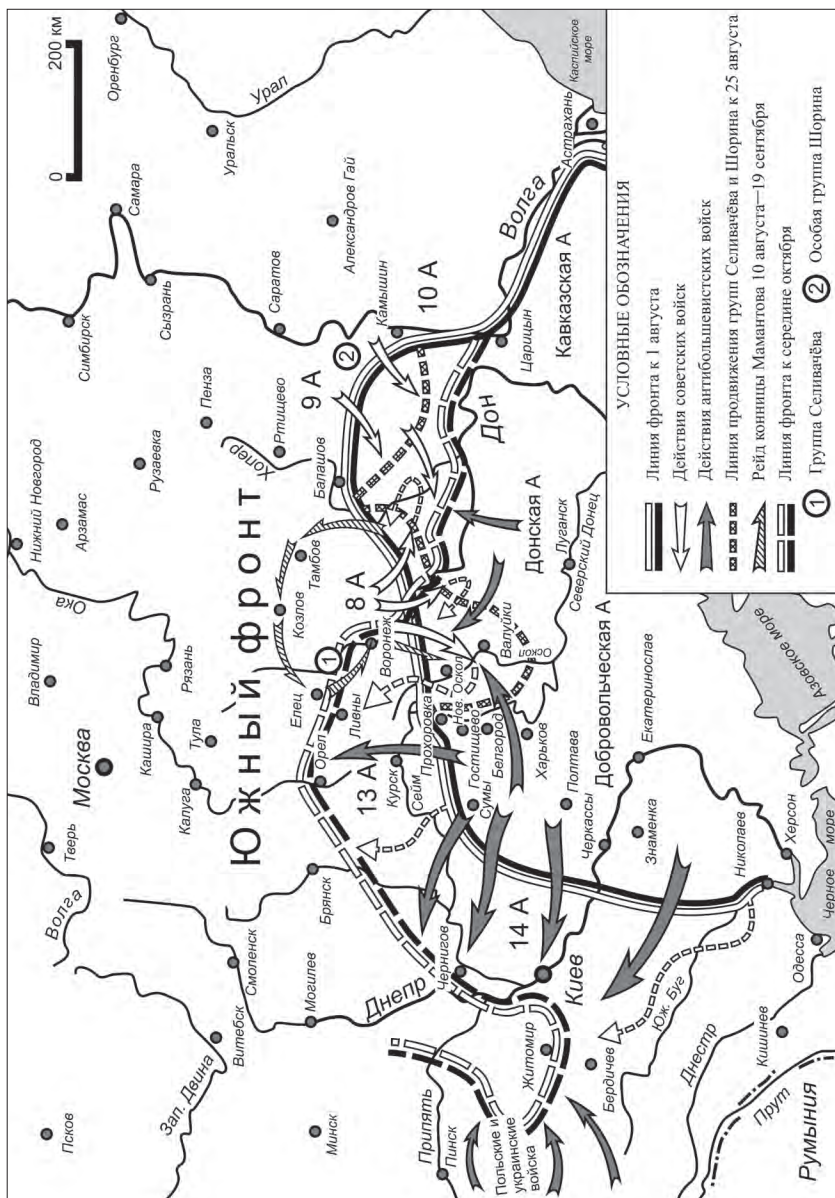
10 августа, практически накануне советского наступления, белые прорвали фронт на стыке 8-й и 9-й советских армий, и в прорыв устремились конные массы IV Донского конного корпуса генерал-лейтенанта К. К. Мамантова (Мамонтова) (до 9 000 шашек и штыков

¹ Директивы командования фронтов Красной армии (1917—1922 гг.): сб. док. М., 1972. Т. 2. С. 305.

² *Панов А.* В Полевом штабе РВСР // Военно-исторический журнал. 1962. № 7. С. 70.

³ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 319.

Южный фронт РСФСР в августе—сентябре 1919 г.
Схема подготовлена О. Е. Алтесовым

при 12 орудиях, 7 бронепоездах и 3 броневедомках), положив начало знаменитому рейду по красным тылам. Разумеется, фактор наличия конницы противника в тылу серьёзно осложнял обстановку на фронте для красного командования и отрывал войска от участия в наступлении (из 8-й армии для ликвидации Мамантова была выделена 31-я дивизия, из 9-й армии — 36-я). Активные наступательные действия предпринимались белыми и на фронтах Добровольческой и Кавказской армий. Тем не менее советское командование не отказалось от решения предпринять в этих условиях общее наступление.

Наступление Южного фронта, к которому так тщательно готовились красные, должно было начаться 14 августа на участке группы Шорина. Наступление группы Селивачёва намечалось с утра 15 августа¹. Председатель Совета рабоче-крестьянской обороны В. И. Ленин был крайне обеспокоен тем, что операция не началась ещё в начале августа, и требовал от главкома и фронтового командования решительных действий без какого-либо промедления². Изначально группы Шорина и Селивачёва должны были действовать в расходящихся направлениях, что сделало невозможным взаимодействие между ними.

Главкомом Каменевым группе Селивачёва было приказано разгромить войска противника на сумском и курском направлениях ударом на Бирюч—Валуйки—Купянск³, причём свой главный удар 15 августа ударная группировка (3-я и 42-я стрелковые дивизии, кавалерийская бригада 13-й армии, 12-я, 13-я, 15-я и 16-я стрелковые дивизии) наносила в стык Донской и Добровольческой армий белых. Обеспечение правого фланга группы Селивачёва возлагалось на 14-ю армию.

Удар Селивачёва пришёлся по фронту III Донского отдельного корпуса. Когда 16 августа командующий Южным фронтом выразил недовольство медленным развитием операции, Селивачёв отвечал, что наступать приходится в боевых, а не в походных условиях, а дороги из-за непрерывных дождей труднопроходимы⁴. 17 августа в связи с недовольством Егорьева Селивачёв издал приказ: «Наступление согласно директивы Командюж № 8400 вести с полной энергией, на какую способны войска, имея в виду малочисленность противостоящего противника и помня, что решительность и энергия в ведении операции ведёт не только к уничтожению противника, но

¹ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 1. Л. 6; Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 2. С. 305.

² Директивы главного командования Красной армии (1917—1920): сб. док. М., 1969. С. 449, 450.

³ Гражданская война в СССР. М., 1986. Т. 2. Решающие победы Красной армии. Крах империалистической интервенции (март 1919 г. — октябрь 1922 г.). С. 159.

⁴ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 8. Л. 102—103.

и к отвлечению сил его с других участков фронта, что необходимо для окончательного разгрома пр(отивни)ка»¹.

За первые три дня наступления красных донцы на участке Новый Оскол—Острогжск отступили на 35 вёрст. Основной удар Селивачёва пришёлся на участок между городами Новый Оскол и Бирюч. У казаков не хватало технических средств, чтобы противостоять сильной артиллерии и бронепоездам красных, были проблемы с качеством артиллерийских снарядов, 80 % которых, по оценке командования корпуса, не разрывалось, пехота из мобилизованных крестьян отличалась неустойчивостью и разбегалась, захватывая оружие².

Белые считали, что целью наступления Селивачёва было взятие Харькова³. Между тем 19 августа датирован приказ Егорьева армиям фронта, в котором от войск Селивачёва требовалось немедленно овладеть Белгородом силами правого фланга группы, на остальном фронте наступать в направлении на Волчанск—Валуйки⁴. 20 августа в разговоре с начальником штаба фронта Н. В. Пневским Селивачёв сообщал по поводу новой директивы штаба фронта: «Я в недоумении относительно направления, которое дано по директиве, и просил разъяснения, полагая, что там ошибка, Вы мне ответили, что это не ошибка. Не откажите ещё раз заглянуть на карту и выслушать меня. Общее направление, если я его понимаю правильно, остаётся к линии Белгород—Купянск через Волчанск, а далее, опять-таки, если я это понимаю верно, на Харьков. Таким образом, если первая половина моей ударной группы, т. е. 13(-я) армия, направится на Белгород—Волчанск, то вторая половина должна направиться на Волчанск—Купянск»⁵. Далее Селивачёв просил Пневского ещё раз проверить намеченное по карте.

К 20 августа Селивачёв овладел Валуйками (первая задача, поставленная группе). Согласно директиве Егорьева правый фланг группы должен был, начиная с 21 августа, наступать на Белгород и овладеть им в кратчайший срок, остальная часть группы должна была развивать наступление на Волчанск—Купянск⁶. Перед 13-й армией ставилась задача овладеть железнодорожной линией Белгород—Волчанск включительно (на 20 августа она находилась в 50 верстах от Белгорода и 75 — от Волчанска), а перед 8-й армией — выйти на линию Волчанск—Купянск—Богучар.

22 августа 13-я армия получила приказ Селивачёва во что бы то ни стало взять город Короча, оборонявшийся 1-й пехотной диви-

¹ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 10. Л. 8.

² Трагедия казачества (Очерк на тему: Казачество и Россия). Париж, 1936. Ч. III. (Июнь — декабрь 1919). С. 226; РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 18. Л. 220 об.

³ РГВА. Ф. 39457. Оп. 1. Д. 207. Ч. 1. Л. 81.

⁴ Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 2. С. 314—315.

⁵ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 8. Л. 162.

⁶ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

зией белых. Следующий приказ от 23 августа свидетельствовал о намерении Селивачёва наступать ударной группой на Купянск¹. К 25 августа обе эти задачи были решены. Корочу заняли части 42-й дивизии Г. Д. Гая, после чего предполагалось развитие успеха на Белгород, но сделать это не удалось. Тогда же 12-я дивизия 8-й армии взяла Волчанск, а Сводная кавалерийская бригада — Купянск². Но уже в этот день стало известно о сосредоточении крупных сил противника в районе Бутурлиновки³ и угрозе флангового удара со стороны Донской области.

Селивачёву угрожали такие крупные узловые центры как Харьков и Белгород, через которые белые могли перебрасывать войска против его группы. Части ВСЮР на этом направлении продолжали наступление на Курск, грозя выйти Селивачёву во фланг и тыл. Как уже говорилось, угрозы имелись и в отношении левого фланга группы со стороны донцов. В переговорах с Селивачёвым по прямому проводу проблема нежелательности растягивания линии фронта была предметом особого обсуждения уже 20 августа⁴. Сам Селивачёв тогда опасался, что фронт его группы может растянуться от Белгорода до Купянска на 150 верст и от Купянска до Новохоперска — ещё на 400⁵. На Купянск Селивачёву было рекомендовано наступать только силами конницы. Опасения Селивачёва, как показали дальнейшие события, оказались небеспочвенными. К тому же группа начинала испытывать патронный и снарядный голод.

Задачу по овладению Белгородом Селивачёв поставил группе только 25 августа, причём город планировалось занять к 27 августа. Группа должна была занять Купянск (что и произошло 25 августа) и далее продвигаться на Харьков⁶. Планы поворота ударной группы на Харьков, «не оставляя щёлканья зубами на Купянск» (выражение самого Селивачёва в переговорах от 19 августа), Селивачёв обсуждал и согласовывал со штабом фронта⁷. Таким образом, нет никаких оснований считать, что уклонение группы на юго-запад, о котором писали в советское время, как о негативном явлении, не позволившем взаимодействовать с группой Шорина⁸, было самовольным решением Селивачёва. Эти действия были согласованы со штабом фронта и имели целью взятие Харькова.

Ученик В. О. Ключевского, историк Ю. В. Готье 28 августа 1919 г. записал в связи с событиями на Южном фронте в дневнике: «Красные хвалятся, что они заняли Волчанск в 80 верстах от

¹ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 24.

² РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 9. Л. 286.

³ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 6. Л. 36.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.

⁷ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 8. Л. 155.

⁸ Гражданская война в СССР. Т. 2. С. 160.

Харькова. Говорят, что в этом месте начальником является генерал В. И. Селивачёв, выпущенный из тюрьмы под условием командования армией. Я его встречал зимой, когда он управлял Лефортовским архивом, и он мне казался порядочным человеком. Неужели шкурность столь велика среди русских генералов, что они действительно честно будут драться за большевиков?»¹

Думается, неверно утверждать, как это делалось в белой печати осенью 1919 г., что наступление на Волчанск и Белгород противоречило идее наступления на Харьков². На самом деле достаточно посмотреть на карту, чтобы убедиться в обратном. Овладение Волчанском и Белгородом в той обстановке было необходимым условием взятия Харькова.

26 августа Селивачёв получил приказ фронтового командования силами 8-й армии овладеть Харьковом³. Таким образом, Селивачёв одновременно наступал по нескольким расходящимся направлениям, что можно было делать либо при полной уверенности в своём превосходстве над противником, либо с тайной целью срыва советского наступления.

В соответствии с директивой Каменева к 27 августа войска группы продвинулись на 60—150 км, заняв Новый Оскол, Бирюч, Валуйки, Купянск и подойдя к Белгороду и Харькову (на 40 км). Действия войск в районе 27 августа Селивачёв и, видимо, командующий советским Южным фронтом, характеризовали как «решительный поворотный момент сражения»⁴. Выход красных на ближние подступы к Харькову создавал угрозу тылу I армейского корпуса Добровольческой армии, штабам I армейского корпуса и Добровольческой армии, находившимся в городе. По некоторым данным, начальник штаба корпуса генерал-майор Е. И. Достовалов считал, что Харьков белые не удержат, и даже отдал распоряжение об эвакуации штаба⁵.

Белое командование было вынуждено спешно собирать ударный кулак для ликвидации прорыва красных. Уже 17 августа по директиве А. И. Деникина в резерве на курском направлении в районе узловой станции Ржава (к северу от Белгорода) должен был сосредоточиться III конный корпус знаменитого белого генерала А. Г. Шкуро. Корпус планировалось направить в наступление на Старый Оскол и Воронеж. Части корпуса перебрасывались в район сосредоточения по железной дороге с Украины — погрузка велась

¹ Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 305—306.

² Подробнее см.: Кручинин А. С. «Нужно писать правду...» (Военный историк и писатель А. И. Деникин) // Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 71.

³ Из истории Гражданской войны в СССР. Т. 2. Март 1919 — февраль 1920: сб. док. и мат. М., 1961. С. 516.

⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 155. Л. 5 об.

⁵ Пятьдесят лет верности России. 1917—1967. Издание марковцев-артиллеристов. Париж, 1967. С. 194.

на станции Басы южнее города Сумы, в Черкассах и на станции Знаменка, переброска планировалась на станции Гостищево и Прорховка севернее Белгорода¹. Перебрасывался также Сводно-стрелковый полк, задействованный в борьбе с махновцами². В связи с прорывом красных белые также временно приостановили свои операции против 14-й советской армии на Украине³.

В приказе по группе Селивачёва от 27 августа прямым текстом сказано о наступлении на Белгород и Харьков, а также о том, что белые концентрируют свои силы в районе Корочи. 13-й армии по-прежнему ставилась задача занятия Белгорода, а 8-я армия продолжала выдвижение на линию Волчанск—Купянск—Евстратовка. Занятие Белгорода считалось первостепенной задачей, а взятие Харькова — задачей второй очереди⁴. Сам Селивачёв в разговоре с Егорьевым 27 августа тоже отметил, что не следует гнаться за двумя зайцами одновременно⁵. Тем более, что белая конница осуществила прорыв в районе Корочи и двигалась к Новому Осколу. Начальник штаба 13-й армии А. М. Зайончковский 28 августа забил тревогу и предложил свернуть фронтовую операцию, отойдя севернее Нового Оскола, так как «по-видимому, противник задался целью завязать узелок на высоте Новый Оскол—Бирюч»⁶. Речь шла о возможности окружения наступающих сил красных.

Расположение группы Селивачёва напоминало клин высотой более 100 км с вершиной в Купянске и основанием протяжённостью свыше 200 км в районе Короча—Бирюч—Сагуны. Удар его группы был направлен на юго-запад, что привело к нарушению оперативного взаимодействия с Особой группой Шорина и, возможно преднамеренно, открыло противнику фланги обеих групп⁷. Подобные действия вскоре после Гражданской войны официально объяснялись тем, что Селивачёв и командующий фронтом слишком увлеклись развитием достигнутых успехов⁸. По мнению Н. Е. Какурина и И. И. Вацетиса, «успешности контрманёвра белых против группы Селивачёва много содействовало то обстоятельство, что группа сразу рванулась глубоко вперёд, не позаботившись о достаточном расширении основания клина своего вторжения. 8-я армия узким и длинным языком вдавалась вперёд, что делало весьма уязвимыми её фланги. Не-

¹ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 18. Л. 189, 224, 242 об.

² Павлов В. Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 годов. Кн. 2. 1919—1920 гг. Париж, 1964. С. 60.

³ Какурин Н. Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т. 2. 1919—1920 гг. С. 263.

⁴ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 6. Л. 108.

⁵ Там же. Л. 128.

⁶ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 9. Л. 317.

⁷ Гражданская война в СССР. Т. 2. С. 160; Егоров А. И. Разгром Деникина. 1919 г. // Гражданская война в России: Разгром Деникина. М., 2003. С. 194.

⁸ Егоров А. И. Указ. соч. С. 194.

сомненно, что здесь играло свою роль увлечение погоней за территорией»¹.

Как и следовало ожидать, белые сосредоточили крупные силы на флангах группы Селивачёва и сами перешли в контрнаступление 26 августа, попытавшись создать «Канны», срезав основание купянско-го клина ударами в сходящихся направлениях добровольческих, а также кубанских и терских частей генерала Шкуро на Корочу, Новый Оскол и Волчанск и донской конницы генерал-лейтенанта А. К. Гусельщикова на Валуйки и Бирюч. По всей видимости, общий план белого командования предполагал окружение прорвавшейся группировки красных. Не способствовали успехам красных и действия конницы генерала Мамантова, совершавшей рейд по советским тылам.

Генерал Шкуро вспоминал: «Вскоре была получена телеграмма, что сосредоточение моего корпуса закончено, но что я вызываюсь первоначально в Харьков на съезд командиров корпусов. Я выехал туда. В совещании участвовали командир 5-го конного корпуса генерал Юзефович, Добровольческого — Кутепов, генерал Май-Маевский и я. Председательствовал генерал Деникин. Киев и Курск были уже взяты², но красные перешли в контрнаступление и взяли Купянск; их разъезды появились уже в 15 верстах от Харькова. Получив задание ликвидировать этот прорыв красных, я решил отрезать прорвавшуюся группу от главных сил и затем уничтожить её по частям. Перейдя от Белгорода к востоку, я разбил у Корочи несколько дивизий красной пехоты, взял 8 орудий, массу пулемётов и до 7 000 пленных. Всё, что успело уже прорваться к югу, бросилось обратно; я разбил всю эту группу по частям»³. Шкуро также просил от командования разрешения соединиться с корпусом Мамантова для конного набега на Москву, но такое разрешение ему дано не было.

Относительно прорвавшихся Селивачёв заявил главному Каменеву 29 августа: «В нашем деле имя имеет магическое действие: если бы под командой Шкуро находилась одна шкура, то и её бы боялись»⁴. Как видим, Селивачёва даже в сложной ситуации не покидало чувство юмора. Но, как выяснилось, войска красных не были подготовлены к отражению крупных конных масс противника, а действия белых в тот период получили высокую оценку в переговорах советского командования как систематичные и разумные⁵.

1-я Терская дивизия в районе Корочи нанесла поражение 3-й и 42-й стрелковым дивизиям красных, вынужденным отходить на

¹ Гражданская война 1918—1921: в 3 т. М.;Л., 1930. Т. 3. Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии. С. 257—258.

² Шкуро путает последовательность событий, так как Киев и Курск были взяты белыми позднее.

³ Шкуро А. Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004. С. 225.

⁴ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 16.

⁵ Там же. Л. 62.

Новый Оскол. 30 августа (по другим данным, 31-го) терцы взяли Новый Оскол, перерезав железнодорожный путь от Валук на Старый Оскол и Касторное. Затем они повернули на юго-восток, атакуя советские дивизии. По всей видимости, Новый Оскол был казаками оставлен — важен был разгром живой силы красных, а не захват городов. На этом направлении белые разбили упорно оборонявшуюся 12-ю стрелковую дивизию красных, остатки которой отходили на Бирюч и в леса к северу от Валук. По некоторым данным, 30 августа казаки заняли Купянск, но, видимо, затем его пришлось оставить. Бои в районе Волчанска также шли с переменным успехом, и к 1 сентября белые были вынуждены отойти к Волчанску.

1 сентября командующий I армейским корпусом Добровольческой армии генерал-лейтенант А. П. Кутепов разослал свой приказ по корпусу начальникам штабов всех соединений, участвовавших в операции — III отдельного и III Донского отдельного корпусов, а также не задействованного в ликвидации прорыва V кавалерийского корпуса: «Во исполнение приказа командарма приказываю напрячь все силы для окончательного уничтожения разбитого противника в районе Валуйки—Купянск—Волчанск. Переход корпуса в наступление на остальном фронте откладывается до особого распоряжения, частям корпуса активно обороняться на занимаемых ныне позициях»¹.

Несмотря на 2-3-кратное превосходство над противником в пехоте, у Селивачёва начались сложности². К 29 августа 13-я армия под натиском противника стала проявлять неустойчивость, причём 3-я и 42-я дивизии начали отступать. Непростая ситуация складывалась и на левом фланге в районе захваченного белыми города Бирюч, который Селивачёв приказал отбить немедленно за счёт резерва 8-й армии³. 8-я армия оказалась в крайне тяжёлом положении, которое лишь ухудшалось вплоть до начала октября 1919 г. Над ударной группой нависла угроза окружения, хотя окружить такую группировку силами конницы было невозможно, а пехоты у белых для окружения явно не хватало. Селивачёв сообщал командующим подчинёнными ему армиями о необходимости быть готовыми к перерыву связи⁴. В 8-й армии к 1 сентября на исходе было горючее, что могло привести к остановке работы бронемашин⁵.

На 1 сентября войска группы находились на линии Волчанск—Купянск—Валуйки—Подгорное. Фронт группы к этому времени достиг протяжённости в 700 вёрст⁶. По оценке красных, против Селивачёва к 1 сентября 1919 г. белые имели на воронежском и курском направлениях 27,2 тысячи штыков и 12,6 тысячи сабель при 152

¹ Там же. Л. 146.

² РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

³ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

⁴ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 13. Л. 69.

⁵ Там же. Л. 74.

⁶ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 7. Л. 61.

орудиях, 502 пулемётах, 19 бронепоездах и 12 танках¹. В тылу активно действовала белая конница.

Селивачёв руководил начавшимся отходом группы на линию Короча—Новый Оскол—Алексеевка и отвечал за операции на обоянском направлении. При этом он пытался контратаковать и даже наступать. 2 сентября он поставил задачу 13-й армии занять город Суджа для оказания помощи 14-й армии, продвигавшейся к Сумам, требовал усилиями флангов 8-й и 13-й армий войти в связь у Нового Оскола². Это свидетельствует о том, что в тылу Селивачёва дела обстояли неблагоприятно и между флангами его армий связь была нарушена. Но Новый Оскол красным удалось отстоять.

Помимо этого на плечи Селивачёва легла тяжёлая обязанность обороны Воронежа от мамантовской конницы³. Город Купянск Селивачёву пришлось окончательно оставить 2 сентября под ударами наступавших частей Деникина⁴, однако из-за низкой активности сравнительно слабых донских частей советские дивизии купянского направления сумели вырваться из грозившего им окружения⁵.

Фронт 8-й армии белые прорывали в направлении участка железной дороги Острогожск—Лиски. В тылу армии по-прежнему действовала конница Мамантова.

5 сентября в разговоре по прямому проводу с начальником Полевого штаба РВСР П. П. Лебедевым командующий фронтом В. Н. Егорьев прямо сказал, что «действия Селивачёва ещё не вышли из стадии подготовительных операций и уже потребовали отвлечения части 9(-й) армии для действий в западном направлении»⁶. Иными словами, командующий фронтом считал, что операция группы Селивачёва не увенчалась успехом. Более того, неудача Селивачёва грозила срывом всего наступления, поскольку командованию фронта приходилось оказывать ему содействие за счёт основной ударной группы Шорина. Лебедев выступил категорически против отвлечения сил группы Шорина от их основной задачи.

В тот же день Троцкий и члены РВС Южного фронта Л. П. Серебряков и М. М. Лашевич потребовали от главкома Каменева назначить Селивачёва командующим Южным фронтом, а на место Селивачёва назначить помощника командующего фронтом А. И. Егорова⁷. Каменев против такого назначения Селивачёва не возражал, но перемещение Егорова считал нежелательным, так как не был уверен, что тот справится с управлением двумя армиями, входившими

¹ Директивы командования фронтов Красной армии (1917—1922 гг.): сб. док. М., 1978. Т. 4. Материалы, указатели. С. 488.

² РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 44.

³ Там же. Л. 48.

⁴ Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 2. С. 326.

⁵ Егоров А. И. Указ. соч. С. 217.

⁶ Директивы главного командования Красной армии. С. 462.

⁷ Там же. С. 463.

в группу Селивачёва¹. Дальнейшее катастрофическое для красных развитие событий не позволило осуществить намечавшуюся перестановку.

К этому времени становилось очевидным, что августовское наступление Южного фронта развивается не столь успешно, как предполагалось, а ближе к середине сентября стало понятно, что операция провалилась. Уже 5 сентября 1919 г. Егорьев признал, что операция Селивачёва, изначально планировавшаяся как вспомогательная, в процессе её реализации приобрела самостоятельное значение как харьковская операция².

Итоги неудачного наступления красных наглядно отражены в полковой истории Корниловского ударного полка: «К концу августа (старого стиля. — А. Г.) прорыв красных на Купянск и Волчанск был окончательно ликвидирован, и части Добровольческой армии получили возможность продолжать прерванное наступление. С другой стороны, неудача красных в широко задуманной ими операции, для которой ими были собраны значительные силы, больно отозвалась на моральном состоянии Красной армии, и без того сильно потрёпанной нами на линии рек Сейм и Сеймица. Добровольческая армия не встретила поэтому того сопротивления, которое можно было ожидать при взятии укрепленного района г. Курска»³. По другому свидетельству, «советские войска, защищавшие Курск, бродили отдельными деморализованными группами и охотно сдавались в плен. Лишь только некоторые части оказали сопротивление»⁴.

Но всё это было уже после тех драматических событий середины сентября, которые произошли в группе Селивачёва. Сейчас трудно сказать, что именно предопределило неудачу действий войск Селивачёва — ошибочный расчёт Каменева и неправильное распределение сил, решительные действия белых, промахи самого Селивачёва или же злой умысел заговорщиков в руководстве группы. Как бы то ни было, финальная катастрофа группы неумолимо надвигалась.

7 сентября Селивачёв приказом № 20 принял на себя временное командование 8-й армией для ликвидации прорыва противника, а непосредственное управление группой из 2-й бригады 31-й дивизии, 12-й, 13-й, 15-й и 16-й дивизий в оперативном отношении передал вр. и. д. командующего 8-й армией А. И. Ратайскому при начальнике штаба Г. С. Горчакове. Кроме того, Селивачёв взял на себя непосредственное руководство 33-й и 40-й дивизиями и 1-й бригадой 31-й дивизии.

¹ Директивы главного командования Красной армии. С. 463—464.

² Там же. С. 461.

³ Материалы для истории Корниловского ударного полка / отв. сост. М. Н. Левитов; сост., науч. ред., предисл. и коммент. Р. Г. Гагкуева. М., 2015. С. 352.

⁴ Пятьдесят лет верности России. С. 187.

В это время Мамантов, занявший 5 сентября Задонск, 6 сентября — Касторное и 7 сентября — Усмань, с трёх направлений угрожал Воронежу, где находился штаб Селивачёва. Воронеж был взят Мамантовым уже 11 сентября. Не исключено, что именно этим объяснялся переход Селивачёва в штаб одной из армий. Точные причины такого решения неизвестны, но в результате дальнейшая судьба Селивачёва оказалась целиком связана с событиями в 8-й армии.

Селивачёв 7 сентября произвёл и другие важные кадровые перестановки: вр. и д. начальника штаба 8-й армии стал состоявший в распоряжении Селивачёва бывший полковник А. С. Нечволодов; вр. и д. начальника штаба 8-й армии бывший капитан В. Ф. Тарасов должен был вступить во временное исполнение должности начальника оперативного отдела штаба 8-й армии¹. Принципиально важно, что все они вскоре загадочным образом исчезли. По одним данным, это произошло 2 октября 1919 г., когда Нечволодов, Тарасов и начальник разведывательного отделения штаба армии бывший генерал-майор В. А. Жёлтышев пропали без вести при переводе полевого штаба 8-й армии из Усмани в Колодезную (севернее Воронежа)². По другим, более достоверным сведениям, Нечволодов исчез отдельно от двух своих сослуживцев и примерно на две недели раньше. Тарасов и Нечволодов вскоре объявились в войсках Деникина, а судьба Жёлтышева до сих пор неизвестна.

Наличие подписанного Селивачёвым приказа от 7 сентября о кадровых перестановках свидетельствует, что как минимум за десять дней до смерти бывший генерал был вполне здоров и мог управлять вверенной ему группой. В то же время — это самый поздний из обнаруженных нами документов за подписью самого Селивачёва. Отметим также, что с 13 сентября Ратайский подписывал распоряжения не как командующий группой, а вновь как вр. и д. командующего 8-й армией³, то есть Селивачёв в это время оказался не у дел. Данных о том, возглавлял ли кто-то группу Селивачёва с тех пор, в архивных документах обнаружить не удалось. Таким образом, в середине сентября группа Селивачёва фактически прекратила своё существование⁴.

Как бы то ни было, войска, входившие в группу, продолжали вести тяжёлые бои, в том числе по берегу р. Оскол. 12 сентября белые взяли Обоянь. 1-я и 3-я Донские дивизии получили 12 сентября приказ усилить бдительность, чтобы не пропустить отход красных⁵.

¹ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 51.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1009. Л. 47; Д. 69. Л. 38 об.—39.

³ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 3. Л. 85.

⁴ В советской литературе утверждалось, что группа Селивачёва якобы была расформирована в конце сентября 1919 г. (Группа В. И. Селивачёва // Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 160.)

⁵ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 1. Л. 177.

Корпус Шкуро двигался по тылам 8-й армии, причём донское командование просило Шкуро помочь группе Гусельщикова в наступлении на Острогожск¹. Наступление на Острогожск продолжалось ещё несколько дней. Белое командование по-прежнему надеялось отсечь и окружить отступавшие части красных, но сделать это не удалось. Командир III Донского отдельного корпуса, видимо, по этим причинам считал, что командный состав корпуса был не всегда на высоте своего положения². Лишь 21 сентября Острогожск был занят силами 6-й и 7-й Донских пластуных бригад, красные отступили на Лиски³.

В дальнейшем Шкуро продолжал громить красные тылы. По воспоминаниям самого генерала, «совершая это движение, я бил красных по частям; особенно крупных боёв, кроме боя у Старого Оскола, не было. Однако в течение трёх недель я взял 75 орудий, свыше 300 пулемётов и около 35 000 пленных»⁴. Фактически к середине сентября результаты августовского наступления на фронте группы Селивачёва были сведены на нет, а войска понесли большие потери и оказались сильнейшим образом переутомлены. Бои теперь шли в районе Лиски—Коротояк⁵.

Ещё летом 1919 г. белая разведка сумела добыть план действий группы Селивачёва и данные о её составе, впрочем, едва ли исходившие из штаба самой группы. По этим сведениям, роль Селивачёва как командующего группой «не вполне выяснена. По-видимому, находясь под надзором комиссара, он не может явно вредить операции своими распоряжениями, но делает, что может. Сообщают, что благодаря ему у группы нет резервов»⁶. Таким образом, белые агенты считали, что Селивачёв являлся их тайным сторонником, что, возможно, было недалеко от действительности. Когда эти материалы оказались в руках чекистов, надо полагать, подозрения в отношении Селивачёва многократно усилились. Однако произошло это не ранее конца августа — сентября 1919 г. и роли в судьбе Селивачёва, скорее всего, уже не сыграло.

Между тем, в начале сентября Троцкий продолжал выдвигать Селивачёва на пост командующего Южным фронтом⁷. По данным на 8 сентября назначение Селивачёва было отложено лишь в связи с перерывом с ним связи⁸. Именно Троцкий покровительствовал Селивачёву, и бывший генерал в этот период вполне мог считаться его креатурой. Соответственно, любая неудача военспеца бросала тень и на его патрона. Однако деятельность Селивачёва и без доку-

¹ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 1. Л. 177.

² РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 14. Л. 6.

³ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 4. Л. 159.

⁴ Шкуро А. Г. Указ. соч. С. 227.

⁵ РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 3. Л. 148.

⁶ Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 2. С. 250—251.

⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 357.

⁸ Там же. Л. 393.

ментов белой разведки стала вызывать подозрения большевистского руководства.

К сожалению, точно не датирована интересная записка В. И. Ленина Э. М. Склянскому: «Склянскому только лично и особо секретно (Ленин). Не послать ли *особо надёжным шифром* (курсив документа. — А. Г.) Сокольникову такой телеграммы: Примите лично все меры для ближайшего наблюдения за политической добросовестностью Селивачёва. Сообщайте чаще ваши наблюдения и их итоги»¹. Этот документ из архива Склянского не публиковался в полном собрании сочинений Ленина.

11 сентября на заседании Политбюро ЦК обсуждался доклад главкома о положении на фронтах и вопрос о командировании в штаб Селивачёва высокопоставленного чекиста Я. Х. Петерса в качестве члена РВС, причём постановили до получения согласия Троцкого этого решения в исполнение не приводить². Судя по всему, большевистское руководство больше всего беспокоил перерыв связи с Селивачёвым. Все остальные опасения и подозрения в возможной измене пока оставались предположительными.

Разумеется, нам неизвестны все детали, о которых тогда говорилось в Политбюро. По всей видимости, подозрения в отношении нелояльности Селивачёва были столь серьёзными, что отреагировать на них вскоре должен был уже и сам Троцкий. Удалось обнаружить черновик его шифрованной телеграммы в ЦК от 12 сентября 1919 г.: «Кандидатура Петерса слишком демонстративна, не давая никаких гарантий военной проверки»³. Считаю более целесообразным назначение лучших агентов на должности делопроизводителя для поручений и шофёра и пр. при Селивачёве. Сейчас наиболее критический момент для Селивачёва. Я выезжаю (в) Балашов, чтобы связаться с ним, вызвать его (в) Орёл на совещание с Главкомом для назначения командюж. После этого опасность измены крайне уменьшится. Предлагаю, во всяком случае, назначения не производить до выяснения, где Селивачёв, и до вызова его в Орёл, так как в случае его колебаний назначение Петерса может побудить его принять крайнее решение. Практического же значения назначение Петерса (в) ближайшие дни всё равно иметь не будет. Троцкий. № 380»⁴.

Фактически это первый документ, в котором Троцкий допустил вероятность измены своего протеже. Он согласился с предложениями ЦК окружить Селивачёва соглядатаями из ВЧК, но предпочитал действовать осторожно и не назначать к Селивачёву такую знаковую

¹ The Trotsky papers 1917—1922. Edited and annotated by J.M. Meijer. L. Hague. P., 1964. Vol. 1. 1917—1919. P. 670.

² Деятельность Центрального комитета партии в документах (события и факты) 1 июля — 30 сентября 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2 (301). С. 159.

³ Зачёркнуто: контроля.

⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 396—397.

фигуру, каким был прославившийся своей беспощадностью к врагам революции Петерс. Удивительно, но Троцкий ещё не оставил мысли о возможности назначения Селивачёва командующим Южным фронтом и, что уже совсем странно, полагал, что более высокое назначение Селивачёва почему-то должно уменьшить вероятность измены с его стороны. Телеграмма свидетельствует и о том, что на 12 сентября связи с Селивачёвым по-прежнему не было, что не могло не вызывать озабоченности в советском руководстве.

На протяжении нескольких следующих дней новостей о Селивачёве по-прежнему не было. 16 сентября Ленин с возмущением писал члену РВСР С. И. Гусеву: «Связи с Селивачёвым не установили, надзора за ним не установили, вопреки *давнему* и *прямому* (здесь и далее — курсив документа. — А. Г.) требованию Цека.

В итоге и с Мамонтовым застой, и у Селивачёва застой (вместо обещанных ребячьими рисуночками “побед” со дня в день — помните, эти рисуночки Вы мне показывали? и я сказал: о противнике забыли!!).

Если Селивачёв сбежит или его начдивы изменят, виноват будет РВСР, ибо он спал и успокаивал, а дела не делал. Надо лучших, *энергичнейших* комиссаров послать на юг, а не сонных тетерь»¹.

Ситуация с Селивачёвым не на шутку встревожила советского лидера. В тот же день Ленин написал председателю РВСР Троцкому и членам РВС Южного фронта Л. П. Серебрякову и М. М. Лашевичу: «Политбюро Цека считает абсолютно недопустимым, что Селивачёв остаётся до сих пор без особого надзора вопреки решению Цека. Настаиваем на установлении связи хотя бы аэропланом и на посылке к нему Серебрякова во что бы то ни стало и немедленно, комиссаром при Селивачёве. Поведение начдивов в районе вторичного прорыва крайне подозрительно. Примите героические меры предотвращения.

Политбюро поручает т. Сталину переговорить с главкомом и поставить ему на вид недостаточность его мер по установлению связи с Селивачёвым и по предотвращению подозрительной небрежности, если не измены, в районе вторичного прорыва»².

17 сентября датирована телеграмма Троцкого из Тамбова в Орёл Серебрякову и Лашевичу, ответ на которую Троцкий рассчитывал получить в Козлове: «Имеете ли связь с штармом 8(-й) и Селивачёвым? Мои попытки связаться с Селивачёвым из Балашова не дали успеха. Каково положение на внутреннем фронте? Какие последние донесения южфронта?»³ Получается, что ни руководство Южного фронта, ни сам Троцкий не могли связаться с Селивачёвым весь период с 8 сентября по день его смерти. Возможно, свою роль

¹ Ленин В. И. Военная переписка (1917—1920). М.: Воениздат, 1956. С. 202.

² Там же. С. 204.

³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 416.

в перерыве связи сыграл рейд Мамантова, но причины этого требуют дополнительного изучения.

На объединённом заседании Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) 18 сентября 1919 г. было решено командировку Л. П. Серебрякова к уже умершему Селивачёву отменить¹. Возникает резонный вопрос, как могло случиться, что до смерти Селивачёва с ним почти две недели не могли связаться, а информация о его смерти распространилась мгновенно?! 22 сентября Троцкий уже запрашивал Серебрякова о причинах смерти Селивачёва².

Интересно, что Ленин привлёк к решению этого вопроса такого непримиримого антагониста Троцкого как Сталин. Как справедливо отметил московский историк А. С. Кручинин, содержание ленинских писем даёт основание считать, что советский вождь не был в курсе болезни Селивачёва, которая, скорее всего, могла быть внезапной. Однако далее исследователь предполагает, что руководству советского Южного фронта и даже РВСР было выгоднее ликвидировать Селивачёва, чем оправдываться за неудачи на фронте и за назначение вероятного белого агента на руководящую должность³. Последнее представляется спорным. Обнаруженные нами документы свидетельствуют, что не только Ленин и Троцкий, но и командование советского Южного фронта не знало о состоянии Селивачёва, прежде всего, вследствие длительного перерыва связи со штабом 8-й армии, где тот находился. Важно и то, что документальных подтверждений версии об убийстве Селивачёва пока не обнаружено.

По официальной версии Селивачёв умер от тифа 17 сентября 1919 г. в возрасте 51 года⁴. Белая печать незамедлительно отреагировала на это событие. Видный деятель Белого движения Генштаба полковник А. А. фон Лампе под псевдонимом «Л. Г. Семёновский» (в честь лейб-гвардии Семёновского полка, в котором он служил в русской армии) 23 сентября (6 октября) написал в Новороссийске и 9 (22) октября опубликовал в газете «Великая Россия» резкую статью «Смерть Селивачёва», в которой высоко оценил квалификацию Селивачёва, но обвинял бывшего генерала в предательстве и даже припечатал его фразой из стихотворения А. Толстого «Сон Попова»: «Начнут как Бог, а кончат как свинья».

Фон Лампе писал: «По слухам в Совдепии умер от острого воспаления кишок бывший генерал русской службы Селивачёв, недавно ещё руководивший операцией красных на Валуйки и Купянск, операцией, инициатору которой нельзя отказать в способности правильно разбираться в вопросах стратегии и умении организовать наступление в армейском масштабе.

¹ Ленин В. И. Военная переписка. С. 355.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 425.

³ Кручинин А. С. Указ. соч. С. 73—74.

⁴ Селивачёв В. И. // Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 539.

Всё это даёт основание предполагать, что неудавшаяся красным операция обхода Харькова была задумана лицами, получившими высшее военное образование, а таким-то именно и был Селивачёв, на которого красные вожаки возложили её проведение в жизнь. Таким образом, естественно, возникает пред(по)ложение, что исполнитель операции мог быть и её автором.

Ход операции, её выполнение под руководством Селивачёва, даёт полное основание предполагать, что неудача её произошла не вследствие саботажа со стороны её руководителя, а лишь вследствие искусного контрманёвра командования ю(жных) а(рмий) и, таким образом, за Селивачёвым остаётся желание расколоть надвое силы ю(жных) а(рмий) и привести своё предприятие к желательному для Троцкого и губительному для генерала Деникина концу!

А между тем, будучи командующим VII армией на внешнем фронте, Селивачёв в сентябре 1917 г. был арестован комиссаром армии Сургучёвым за “враждебное отношение к войсковым организациям и комитетам” и за то, что он не только высказал свою солидарность с генералом Деникиным, телеграммой заявившим свой протест против смещения генерала Корнилова с поста Верховного главнокомандующего, но и всеми мерами способствовал распространению известного воззвания генерала Корнилова к войскам, воззвания, квалифицированного политическим комедиантом Керенским как измена и мятеж против верховной власти.

Солидарность генерала Селивачёва с “ныне привлечённым к дознанию по делу о восстании против Временного правительства” генералом Деникиным и с “изменником и мятежником” Корниловым заставила расторопного комиссара устранить генерала Селивачёва от командования армией.

В сентябре 1917 г. генерал Селивачёв теряет пост командующего русской армией за поддержку генералов Корнилова и Деникина, а менее чем через два года после этого товарищ Селивачёв забывает своё “враждебное отношение к войсковым организациям и комитетам” и, став во главе разбойничьей организации комитета интернациональных мошенников, — выступает с оружием в руках против бывшей армии генерала Корнилова, руководимой генералом Деникиным.

“Как люди в страхе гадки. Начнут как Бог, а кончат как свинья!”¹

Есть основания думать, что Селивачёв пошёл на службу к большевикам и принял пост красного командарма под угрозой смерти, но ведь и генералу Радко-Дмитриеву его убийцы предлагали такой же ценой купить право на жизнь, однако доблестный генерал предпочёл ужасную смерть под шашками обезумевших негодяев — службе красному хаму!

¹ «Гр(аф) А. Толстой. “Сон Попова”». — *Прим. А. А. фон Лампе.*

Не всякому дано быть героем, но как неумолима жестокая судьба — совершив своё предательство с целью спастись от смерти, Селивачёв умирает от эпидемического заболевания!

Умри он от той же болезни раньше своей измены — он отошёл бы в вечность несчастным, измученным, но русским человеком; откажись он от предлагаемой ему, заведомыми для него разбойниками, сделки с жизнью и честью и презренной роли большевистского наёмника — он умер бы героем — он умер после своего перехода на службу интернационалистам, врагам своей Родины, и имя его останется навсегда в ряду имён тех, кто замарал себя изменой родному делу!

Надо думать, что многие из тех, кто готов для сохранения своей жизни пойти на сделку с совестью, невольно задумаются над жестокой насмешкой судьбы, сыгравшей злую шутку с умершим! Более яркого примера бесцельной измены ждать трудно!»¹

К сожалению для них, белые тогда ещё не поняли, что на одном только страхе армию создать невозможно, а основания службы многих бывших офицеров в Красной армии были совсем иными. К тому же говорить об измене в условиях раскола общества и отсутствия каких-либо критериев для определения, что есть в подобной ситуации измена, не приходится.

Несколько лет спустя после этих событий, уже по окончании Гражданской войны, вышли «Очерки русской Смуты» генерала А. И. Деникина, в которых Деникин привёл следующее свидетельство: «Московские Центры² поощряли вхождение в советские военные учреждения и на командные должности доверенных лиц, с целью осведомления и нанесения большевизму возможного вреда. Я лично решительно отвергал допустимость службы у большевиков, хотя бы и по патриотическим побуждениям. Не говоря уже о моральной стороне вопроса, этот шаг представлялся мне совершенно нецелесообразным. От своих единомышленников, занимавших видные посты в стане большевиков, мы решительно не видели настолько реальной помощи, чтобы она могла оправдать их жертву и окупить приносимый самим фактом их советской службы вред. За 2½ года борьбы на Юге России я знаю лишь один случай умышленного срыва крупной операции большевиков, серьёзно угрожавшей моим армиям. Это сделал человек с высоким сознанием долга и незаурядным мужеством; заплатился за это жизнью. Я не хочу сейчас называть его имя»³.

По предположению А. С. Кручинина, генерал Деникин имел в виду Селивачёва⁴. Кручинин исходил из того, что формулировка Деникина

¹ ГА РФ. Ф. Р—5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 85.

² Т. е. «Правый Центр» и «Национальный Центр».

³ Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 2. Т. 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии. С. 548.

⁴ Кручинин А. С. Указ. соч. С. 69—74.

«мои армии» должна относиться к событиям 1919 г., а оговорка из «Очерков русской Смуты» «генерал Селивачёв», притом, что рядом без всякого прежнего звания указан бывший полковник Шорин, — не случайна.

Это предположение полностью подтвердилось в результате обнаружения нами важного свидетельства в неопубликованном дневнике Генштаба генерал-майора А. А. фон Лампе. 24 декабря 1922 г. фон Лампе теперь уже с любопытством и сожалением записал следующее: «Всё хочу записать рассказ Деникина, который меня очень поразил — относительно генерала С е л и в а ч ё в а (здесь и далее — разрядка фон Лампе. — А. Г.). По мнению Деникина, Селивачёв, который когда-то был арестован за противодействие большевистским комиссарам, таковым и остался до самого конца и в операции против Добровольческой армии, на Купянск, ведя её совершенно правильно в таком направлении, которое заставило весьма беспокоиться самого Деникина, вдруг, без всякого смысла, свернул на Харьков, об который разбились советские части, до того резавшие нашу армию пополам. По предположению Деникина, “холера”, от которой умер Селивачёв — могла быть и просто отравлением его большевиками за проигранную намеренно операцию...

Если это так, то я очень виноват перед доблестно погибшим Селивачёвым, которого я квалифицировал в моей статье в “России” “начнёт как Бог, а кончит как свинья”, базируясь именно на п р а в и л ь н о с т и выбранного им направления для удара на Купянск...

Но как же установить, как это было на самом деле...»¹

В другом месте фон Лампе отметил: «Был момент, когда стоявший на стороне большевиков бывший генерал Селивачёв, прорвав наш фронт у Купянска, был обязан развивать прорыв на юг, чем привёл бы нас к катастрофе — он этого не провёл в жизнь... правда о последнем случае говорят, что Селивачёв сделал это намеренно и был за это отравлен, но это ещё требует подтверждения»². Друг генерала А. И. Деникина полковник П. В. Колтышев, прежде служивший в бригаде Селивачёва, также свидетельствовал, что в штабе Деникина не сомневались в симпатиях советского военачальника к белым³.

По мнению Кручинина, срыв операции был бы невозможен без эффективного взаимодействия белой агентуры и деникинской ставки, следовательно, у Деникина должна была быть точная информация на этот счёт⁴. Однако документы свидетельствуют о том, что белые исчерпывающей информацией о группе Селивачёва не обладали, хотя отдельные документы (план действий группы и сведения о составе),

¹ ГА РФ. Ф. Р—5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 30.

² ГА РФ. Ф. Р—5853. Оп. 1. Д. 24. Л. 290.

³ Рутыч Н. Н. К опубликованию писем генерала А. И. Деникина // Грани (Франкфурт-на-Майне). 1983. № 128. С. 20.

⁴ Кручинин А. С. Указ. соч. С. 74.

предназначавшиеся для передачи белому командованию, были найдены у руководителя московского антибольшевистского подполья Н. Н. Щепкина, арестованного в ночь на 29 августа 1919 г.¹

Из записи фон Лампе также следует, что Деникин отнюдь не был уверен в правильности своих предположений, причём эта неуверенность передалась и самому фон Лампе. Соответственно, достоверных данных на этот счёт Деникин не имел. Что же касается поворота на Харьков, то, как уже говорилось выше, на самом деле его не было, так как Харьков и был одной из основных целей наступления Селивачёва, а Купянск — лишь крайним пунктом на левом фланге юго-западного крыла группы. Другое дело, что для Деникина именно Купянск как вершина Селивачёвского клина выглядел в качестве основной цели наступления. Наступать к югу от Купянска, оставив на фланге такие крупные центры как Белгород и Харьков с располагавшимися в их районе главными силами Добровольческой армии, для Селивачёва было бы самоубийственно. По всем этим причинам его движение на Харьков выглядит вполне обоснованным. В то же время совершенно достоверно, без допусков и предположений, установить истину в этом вопросе вряд ли удастся.

Существуют и другие аргументы против того, что Селивачёв действовал умышленно во вред красным. Мощным контрдоводом является то, что уже изначально обе группы советского Южного фронта действовали по расходящимся направлениям. План Каменева не предусматривал нанесения главного удара группой Селивачёва, тогда как белые фактически наносили свой главный удар как раз на фронте его группы, что объективно ставило Селивачёва в тяжёлые условия. Свободе действий Селивачёва мешал и рейд Мамантова по красным тылам.

Ещё одним аргументом против того, что бывший генерал вёл подрывную работу, на наш взгляд, является отказ Селивачёва 14 августа от предложенного ему подчинения группы войск, наступавшей на узловую станцию Готня (западнее Белгорода)². Думается, настоящий белый агент и саботажник не отказывался бы от подчинения себе этой группы, а постарался бы взять под свой контроль максимум войск, чтобы затем нанести и максимальный вред. Наконец, едва ли способствовало желанию рисковать наличие у Селивачёва большой семьи, которая в случае его ареста и расстрела могла остаться без средств к существованию. Селивачёв не был безответственным, заботился о близких и вряд ли стал бы рисковать их будущим.

Конечно, Селивачёв как опытный человек мог попытаться замаскировать свою возможную подрывную работу, однако сделать это

¹ Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1989. С. 277. Щепкина лично знал и встречался с ним в Москве зимой 1918—1919 г. будущий зять Селивачёва Д. Д. Зуев (Протокол допроса Д. Д. Зуева 08.01.1931 // *Тинченко Я. Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР 1930—1931 годы. М., 2000. С. 362).

² РГВА. Ф. 316. Оп. 1. Д. 8. Л. 57.

тоже было непросто. Нельзя забывать о том, что контроль над его действиями был достаточно серьёзным и многоуровневым. Копии всех приказов Селивачёва отсылались в штаб фронта. Последний, как видно из оперативной переписки, внимательно следил за подчинёнными ему формированиями вплоть до дивизионного уровня. Непосредственный начальник Селивачёва, командующий советским Южным фронтом В. Н. Егорьев, имел большой опыт штабной работы и мог разоблачить вредительство Селивачёва. Однокашником по академии и, видимо, единомышленником Егорьева был другой опытный генштабист — начальник штаба фронта Н. В. Пневский. Приказы Селивачёва также отправлялись в Полевой штаб РВСР, где их изучали главком Каменев и начальник Полевого штаба Лебедев. Наконец, соответствие приказов Селивачёва обстановке контролировали штабы и РВС подчинённых ему армий, которые также отправляли копии своих телеграмм в штаб фронта и в Полевой штаб РВСР. Ежедневно, пока существовала связь, Владимир Иванович беседовал по прямому проводу с командующим Южным фронтом, а иногда и непосредственно с главкомом.

Фактически, если у Селивачёва и была возможность отдать какие-то вредительские приказы, то произойти это могло с наибольшей вероятностью лишь во время перерыва связи его группы с центром в сентябре 1919 г., когда операция уже и так была провалена. И в этом смысле переход Селивачёва из штаба группы в штаб одной из вверенных ему армий может восприниматься либо как попытка лично спасти положение на месте, поскольку нет надежды на подчинённых, либо же как стремление оказаться ближе к линии фронта, уйти из-под контроля вышестоящего начальства, отдать соответствующие вредительские приказы и перейти к противнику, что, конечно, представляется менее вероятным.

Этот эпизод в художественной форме был изложен генералом Деникиным в его рассказе «Исповедь» из сборника «Офицеры», вышедшего в 1928 г. в Париже. Герой этого рассказа — бывший генерал и советский командарм — был отравлен по косвенному приказу Троцкого из-за того, что подвёл вверенную ему армию под поражение с целью помочь белым.

Деникин писал: «Ещё недавно, не более недели тому назад, операция прорыва белого фронта началась так блестяще, и острый, точно режущий клин, прочерченный на большой стратегической карте, висевшей в оперативном отделении, впивался всё глубже и глубже к югу, в расположение белых. Только полсотни вёрст отделяло победоносные красные полки от важного южного центра, когда командарм неожиданно для своего штаба свернул армию на запад... прошло ещё дня два-три, и в ходе операции наступил неожиданный перелом: армия, производя перемену направления, сама открыла белым свои сообщения и тыл, по которому ударили «белые» бронепоезда и кубанская конница. Роли переменялись, будто по

сигналу: N-ая красная армия повернула на север и в паническом бегстве искала спасения. Несколько дней штаб¹ не имел даже сведений о своих войсках... Командарм сидел в салоне своего вагона, задумчиво глядя на разложенную карту. Толстая цветная линия общего советского фронта — на участке его армии — обращалась в пунктир неопределённого очертания: нельзя было установить точно расположение дивизии; а синие стрелки, изображавшие направления колонн белых, — прямые, острые — словно разрывали паутину фронта, выпрямляли опустившийся было к югу клин и вонзались глубоко в расположение красных. Одна стрелка, прочерченная сбоку, с востока, наперерез железнодорожной линии, всё время опережала движение штабного эшелона. Вот-вот захватят...

Операция окончательно и безнадежно погублена.

Командарм сложил карту, откинулся на спинку кресла, задумался. «На этот раз, пожалуй, не удастся выйти благополучно...»²

Рассказ Деникина завершался тем, что на исповеди умиравший командарм сказал священнику, что служил красным только для вреда. Однако история с отравлением — лишь предположение Деникина, обусловленное его неприятием большевиков и стереотипами в отношении красного террора. Подлинных обстоятельств произошедшего знать он, скорее всего, не мог. Об этом свидетельствует и дневник фон Лампе, в котором отмечено, что версия со срывом операции и отравлением — только предположение Деникина. Деникин верил в то, что Селивачёва действительно отравили, подозревая в сочувствии белым и в измене³. Об этом он рассказывал в эмиграции и британскому генералу А. Ноксу: «В 1920 г. в Лондоне генерал Деникин рассказал мне, что к тому времени его (Селивачёва. — А. Г.) уже не было в живых. Большевики принудили его командовать одной из армий, сражавшихся против Добровольческой армии. Позже, на смертном одре, он признался священнику, что делал всё возможное, чтобы обеспечить успех добровольцев»⁴.

Иностранные авторы также высказывают предположения, что внезапная смерть Селивачёва каким-то образом могла быть связана с неудачей его группы⁵. Из рассказа «Исповедь» следует и то, что у командарма в штабе был сообщник⁶, что может перекликаться с подлинными историческими событиями, связанными с гибелью Селивачёва.

¹ Штаб армии.

² Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 415, 417—419.

³ Рутыч Н. Биографический справочник // Махров П. С. В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994. С. 251.

⁴ Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе 1914—1917. М., 2014. С. 570.

⁵ Mawdsley E. The Russian Civil war. Edinburgh, 2008. P. 243.

⁶ Деникин А. И. Старая армия. Офицеры. С. 421.

В ходе поисков в фондах Российского государственного военного архива автору этих строк посчастливилось обнаружить документы, проливающие свет на судьбу Селивачёва. Они отыскались в двух малоприметных полевых книжках штаба 8-й армии, многие из которых заполнялись ближайшим сотрудником Селивачёва генштабистом Нечволодовым. До сих пор эти документы не привлекали внимания исследователей.

Из этих документов следует, что на 12 сентября штаб 8-й армии находился в селе Костомаровка, где располагалась переправа через Дон. К 14—15 сентября штаб армии планировал добраться до Острогожска¹, однако этого не случилось. Именно в Костомаровке и скончался В. И. Селивачёв. При этом штаб Селивачёва находился в непосредственной близости от линии фронта. Уже 13 сентября в 10 верстах к северо-востоку от переправ появились разъезды белых². На Костомаровку вела наступление 3-я Донская дивизия³.

В тот же день начальнику охраны обоза штаба 8-й армии Черноусову была отправлена телеграмма с приказанием начальника штаба армии Нечволодова о высылке к Селивачёву врачей штабного околотка и фельдшеров: «Положение командарма очень плохое», — сообщалось в телеграмме⁴. Нечволодов в эти дни отдавал распоряжения об обороне Костомаровки и переправ и ни в чём подозрительном заподозрен быть не мог. Правда, по мнению Троцкого, высказанному 1 августа 1919 г., он был малопригоден на своей должности⁵. Однако это не свидетельствует ни о его возможной работе на противника, ни о его причастности к смерти Селивачёва.

Среди обнаруженных документов имеется описание состояния здоровья Селивачёва 15 сентября, которое уместно здесь опустить по этическим соображениям. Отметим, что налицо были признаки желудочного заболевания, хотя врач констатировал некоторое улучшение, отмечал, что у больного прошли судороги и он находится в сознании, но очень слаб⁶. Для организации посменного дежурства у Селивачёва требовалась присылка ещё одного врача, однако в 33-й дивизии, в которую было адресовано это приказание, оно по неизвестным причинам исполнено не было. Составитель следующего послания, помощник начальника санитарной части 8-й армии, не скрывал своего возмущения: «Удивляюсь неисполнению приказа моего о немедленной высылке врача к командарму. Предлагаю без задержки исполнять эти предписания. Пришлите также шприц Record'a»⁷.

¹ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 466. Л. 228.

² РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 273. Л. 12.

³ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 4. Л. 122.

⁴ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 273. Л. 13.

⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 32. Л. 267.

⁶ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 273. Л. 30—30об.

⁷ Там же. Л. 30об.

К 16 сентября штаб 8-й армии не имел связи со штабом Южного фронта уже вторую неделю¹. Сообщения отправлялись через штаб 9-й армии. 8-я армия действовала в отрыве от главных сил и почти полностью лишилась боеприпасов.

16 сентября состоящий при помощнике командующего Южным фронтом генштабист Нечволодов отправил командующему Южным фронтом через штаб 33-й дивизии весьма срочную телеграмму: «Помощник командующего Южным фронтом командующий группой 8(-й) и 13(-й) армий (в документе — армиями. — А. Г.) Владимир Иванович Селивачёв при переезде со штабом 8(-й) из Боброва в Острогужск заболел в деревне Костомаровке 13 сентября остро-желудочным кишечным заболеванием, подозрительным по холере. Состояние здоровья внушает опасения. Командование 8-й армией вновь передано тов. Ратайскому»².

На следующий день телеграмма Нечволодова уже сообщала печальное известие:

«Оперативная вне всякой очереди

1) командуюжу

2) главкому

1919 г. 17 сент. 23 ч.

№ 27

Место отправления Костомаровка

Карта 10 (верст) в дюйме

Помкомандюж Владимир Иванович Селивачёв, заболел в селе Костомаровке на Дону 13 сентября остро-желудочным кишечным заболеванием, подозрительным по холере, скончался 17 сентября в 23 часа.

Предан земле будет в селе Костомаровка.

Состоящий при помкомандюже Генштаба
Нечволодов»³.

Таким образом, смерть генерала, скорее всего, носила естественный характер, но, вопреки официальной версии, не была вызвана тифом. При этом выявленные документы не противоречат и версии отравления, приведшего к летальному исходу.

Телеграмма Нечволодова также оставляет некоторые вопросы без ответа. Означает ли наличие этой телеграммы, что не существовавшая две недели связь со штабом фронта после смерти Селивачёва в одночасье наладилась? Это ещё одна загадка, связанная со смертью бывшего генерала.

¹ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 357. Л. 184.

² РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 273. Л. 31—31об.

³ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 275. Л. 3.

Могила Селивачёва, по-видимому, не сохранилась. Не исключено, что её уничтожили белые, занявшие Костомаровку с отходом красных, тем более что в районе Костомаровки шли ожесточенные бои¹, а донесение Нечволодова на протяжении девяти лет хранилось в архиве не востребовавшимся.

В следующей телеграмме № 28, адресованной РВС 8-й армии, дополнительно сообщалось, что болезнь Селивачёва протекала «при наличии порока сердца»². Телеграммой № 29, адресованной начальнику Полевого штаба РВСР П. П. Лебедеву, Нечволодов продублировал информацию о смерти Селивачёва и добавил: «...просьба сына: подготовить семью к этому несчастью»³. Таким образом, сын Селивачёва находился вместе с отцом на фронте⁴. Тот факт, что Селивачёва похоронят в Костомаровке, Нечволодов объяснял военными обстоятельствами. Телеграммы передавались через штаб 33-й дивизии. Отдельная телеграмма была отправлена начальнику санитарной части 8-й армии.

На другой день часть сотрудников штаба армии выезжала из Костомаровки в Острогжск. При отъезде штаба армии выяснилось, что Нечволодов с женой бесследно исчезли. По всей видимости, это произошло в ночь с 18 на 19 сентября.

10-ю часами утра 19 сентября датирована телеграмма председателю исполкома села Костомаровка, подписанная помощником начальника санитарной части 8-й армии товарищем Биберганом: «Сообщаем, что начал(ьник) штаба VIII арм(ии) тов. Нечволодов Ал(ександр) Сем(ёнович) и жена его Екате(рина) Карловна сегодня утром в 9 ч. в квартире у себя не обнаружены. Вещи в раскрытом виде, как портплед и др. находились в комнате. Из разговоров выяснилось, что они будто бы на квартире не ночевали.

Предлагаем принять меры к выяснению их местопребывания и сообщить немедленно в штаб 8(-й) арм(ии).

Вещи, какие обнаружены в квартире, взяты нами в штаб 8(-й) арм(ии)»⁵.

В Особый отдел 33-й дивизии было отправлено донесение похожего содержания и две фотокарточки Нечволодова.

Нечволодов с женой бросили всё и бежали к белым. Всё говорило о поспешности их исчезновения. Нечволодов оставил верховую лошадь (что странно при побеге, но может объясняться, например,

¹ См., напр.: Богучарцы. К истории 40-й Богучарской дивизии. Воронеж, 1933. С. 132.

² РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 275. Л. 5.

³ Там же. Л. 4.

⁴ По свидетельству Д. Д. Зуева, при Селивачёве тогда находился сын Михаил. Интересно, что в годы Первой мировой войны в дивизии Селивачёва служил другой его сын, Борис.

⁵ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 275. Л. 12—12 об.

попыткой скрытно переправиться через Дон на лодке), 3 тюка вещей, коробку и небольшой чемодан¹. Верховую лошадь Нечволодова забрал себе начальник штаба армии Тарасов, вскоре бежавший к белым.

Был ли Нечволодов причастен к смерти Селивачёва? По какой причине он решил бежать? Не был ли он связан с антибольшевистским подпольем? Все эти вопросы до сих пор остаются без ответа.

Исчезновение четы Нечволодовых лишь добавляет загадочности в поистине детективные события вокруг смерти Селивачёва и, разумеется, не может не быть связано с гибелью героя нашего очерка. Вероятнее всего, Нечволодов опасался ответственности за неудачный исход операции на фронте группы Селивачёва. Однако нельзя исключать и любых других версий, в том числе и версии о том, что именно он руководил предполагаемой антибольшевистской организацией в штабе 8-й армии.

При этом в документах учёта кадров Генштаба и в оперативной переписке Нечволодов значится исчезнувшим лишь 2 октября, к тому же именно в этот день вр. и. д. начальника штаба армии вместо Нечволодова был назначен бывший слушатель ускоренных курсов академии Генштаба Г. С. Горчаков, ранее служивший в должности начальника оперативного отдела². Почему возникла эта нестыковка в датах — опять-таки непонятно.

В журнале военных действий штаба Донской армии за 10 (23) сентября 1919 г. указано, что «перешедший к нам наштарм 8(-й) советской Генштаба полковник Нечволодов доложил, что противник в достаточной мере ознакомлен с нашими действиями из радио 3(-го) конного корпуса ген. Шкура... Опросом бежавшего наштарма Нечволодова выясняется, что части 8(-й) армии, вероятнее всего, должны отходить на север. В тылу 8(-й) армии были: бр(ига)да коммунаров около 4 000 штык(ов), бр(ига)да Воронежского укр(еплённого) района около 3 500 штыков и кадр запасной бригады 1 200 штык(ов), которые и могут быть использованы для заполнения прорыва. Около 11 сентября н/ст. 40(-я) див(и)з(ия) была подчинена командарму 9(-й). Селивачёв умер. Боевой состав дивизий на 12 сентября н/стиля после отступления очень уменьшился и насчитывал в 12(-й) и 13-й не более 2 тыс. штыков, в 15(-й) — около 3 000 штыков, а прочие (16(-я), 33(-я) и 31(-я)) не более 3 500 штык(ов) каждая³.

Пополнение предполагалось производить за счёт мобилизаций местного населения, собранного в уездных городах. Орудий в среднем 12—16 на дивизию, при каждой див(и)з(ии) по полку конницы силой 200—400 конных. При 16(-й) див(и)з(ии) были пулемётные броне-

¹ Там же. Л. 22, 23.

² РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 13. Л. 5.

³ В документе — каждый.

вики, но мало горючего. Имеется 3 бронепоезда и 3 авиаотряда (2<-й), 4<-й) и 23<-й)), а при 33<-й) див<и>з<ии> — аэростат.

Сравнительная стойкость частей 8<-й) армии объясняется боеспособностью 12<-й), 31-й и 33<-й) див<и>з<ий> и убеждением красноармейцев в неминуемом расстреле при взятии в плен. О подкреплениях Нечволодову известно лишь обещание командюж перебросить 21<-ю) дивизию из района Пензы в 8-ю армию, но этому помешал рейд ген. Мамантова.

Последние подкрепления Юж<ный> фронт получал за счёт Восточного, с которого через каждые 2 недели выделялось по одной дивизии. Запасы оружия истощены. Шта<б> Юж<ного> фронт<а> из Орла перешёл в Рязань.

Выводы

1. Правый фланг группы Шорина, продолжая выполнение прежней задачи, стремится выйти на линию р. Дон.

2. Части 8<-й) армии, отступившие на северо-восток, видимо, имеют задачу удержаться на левом берегу Дона и, возможно, протянут свой левый фланг к Воронежу»¹.

К 5 октября Нечволодов объявился у белых в Таганроге, где находился под следствием за службу в Красной армии. В документах он указывал, что состоял членом организации офицеров Генштаба, но что имелось в виду, неясно. Возможно, речь шла как раз о подпольной организации².

Как свидетельствовал в своих показаниях 1931 г. зять Селивачёва Д. Д. Зуев, «командуя Валуйковской группой, находящейся в чрезвычайно трудных условиях, он (Селивачёв. — А. Г.) её вывел и умер внезапно на фронте же от молниеносной холеры 17 августа (так в документе. — А. Г.) 1919 г. Несмотря на то, что при нём был средний сын Михаил (ныне военный лётчик), мне эта внезапная смерть сильно представляется неестественной, тем более, что положение на фронте было чрезвычайно тяжёлое, а через сутки после его смерти нач<альник> штаба группы перебежал к белым»³.

Исключительно важную оценку деятельности Селивачёва дал бывший командующий Южным фронтом В. Н. Егорьев уже после Гражданской войны, когда решался вопрос о пенсионном обеспечении семьи Селивачёва. 3 марта 1922 г. «лицо для особо важных поручений при РВСР» Егорьев писал начальнику административно-хозяйственного отдела Штаба РККА: «Покойный Владимир Иванович Селивачёв был назначен моим помощником по должности командюжа, на какую вступил в конце июля 1919 г. Ввиду полученных мною в это время директив по переходу Южного фронта в энергичное

¹ РГВА. Ф. 39457. Оп. 1. Д. 207. Ч. 1. Л. 137об.—138об.

² ГА РФ. Ф. Р—447. Оп. 2. Д. 48. Л. 62.

³ Семейный архив Д. Д. Зуева и О. Н. Хлестова (Москва).

наступление против Деникина я возложил на Селивачёва разработку всех подробных соображений по административной части по организации этого наступления и отчасти привлекал его к детали(зи)рованию оперативных указаний.

Все порученные работы Селивачёв выполнил в кратчайший срок и с полным для меня удовлетворением. При самом переходе в наступление я назначил Селивачёва Командующим ударной группой в составе 13(-й) и 8-й армий. Наступление было развито им во всём согласно с моими указаниями и с присущим ему талантом, причём в необходимых случаях Селивачёв находился при передовых частях.

После прорыва Мамонтова, когда вся база этой группы была отрезана Мамонтовым, Селивачёв создал новую базу непосредственно при самих войсках и тем совершенно аннулировал все действия Мамонтова. Находясь всё время при войсках, Селивачёв внезапно скончался по одним сведениям от холеры, по другим — от отравления агентами Деникина.

Считаю Селивачёва выдающимся красным военачальником, погибшим на передовом фронте при исполнении служебных обязанностей и имеющим право на особо исключительное отношение высшей военной власти к его осиротевшей семье.

Бывший командюж, ныне лицо для особо важных поручений при РВСР В. Егорьев»¹.

Этот документ важен по двум причинам. Во-первых, он объясняет причины перехода Селивачёва к непосредственному руководству 8-й армией необходимостью создания новой базы против Мамантова. Во-вторых, Егорьев допускал вероятность отравления Селивачёва, но не агентами красных, как считал Деникин, а агентами белых. Соответственно, слухи об этом распространялись в советской военной элите и, вполне возможно, имели какое-то обоснование в виде реально существовавшей группы антибольшевистски настроенных штабных работников. Во всяком случае, версия с отравлением может иметь какое-то логическое обоснование только в этом случае, так как белым агентам в штабе до их перехода к Деникину нужно было оставаться неразоблачёнными. Во всех остальных случаях более надёжным, простым и подходящим боевой обстановке способом устранения Селивачёва был расстрел. Вдова Селивачёва считала, что её муж умер от холеры².

На основе этой характеристики Егорьева заместитель председателя РВСР Э. М. Склянский в марте 1922 г. подготовил обращение в наркомат социального обеспечения, в некоторых местах дословно повторив слова Егорьева (тем не менее, приведём и этот документ, поскольку каждое дополнительное свидетельство в этой загадочной истории на вес золота): «Начальник Штаба РККА возбудил ходатай-

¹ ГА РФ. Ф. А—539. Оп. 3. Д. 419. Л. 44—44об.

² Там же. Л. 38.

ство о назначении усиленной пенсии семье умершего помощника командующего Южным фронтом Генштаба В. И. Селивачёва.

Из имеющихся в деле сведений видно, что покойный Селивачёв, имея высокий образовательный и служебный боевой стаж в старой армии (командовал армией), вступил на службу в Рабоче-крестьянскую Красную армию, в которой в июле 1919 г. занял высшую должность помощника командующего Южным фронтом. При переходе Южного фронта в энергичное наступление против Деникина Селивачёв был назначен командующим ударной группой в составе 8-ой и 13-й армий, причём развил это наступление с талантом, находясь в необходимых случаях при передовых частях. После прорыва Мамонтова Селивачёв создал новую базу непосредственно при самих войсках и тем совершенно аннулировал все действия Мамонтова.

Находясь всё время при войсках, Селивачёв внезапно скончался при исполнении служебного долга 17 ноября (так в документе. — *А. Г.*) 1919 г., оставив вдову Марию Федотовну¹ Селивачёву, 50 лет, и 4-х детей, из которых старший сын 20 л(ет) находится на фронте, остальные же трое детей — на попечении вдовы; второй сын, 19 лет, и дочь, 21 года, не служат вследствие болезненного состояния, причём последняя в настоящее время лежит в больнице, младшая дочь 13 лет.

Принимая во внимание особую самоотверженную преданность покойного Селивачёва служебному долгу и важные заслуги, оказанные им республике, руководствуясь п. в) ст. 3 декрета Совнаркома от 5 декабря 1921 г., я нахожу, что вдове Селивачёвой должна быть назначена усиленная пенсия, о чём, с приложением переписки на 19-ти листах, и ходатайствую перед наркомсобесом»².

Совокупность выявленных нами документальных свидетельств указывает на то, что смерть Селивачёва, по всей видимости, произошла по естественным причинам от холеры или дизентерии вследствие отсутствия на фронте надлежащего медицинского обслуживания и невозможности эвакуировать командующего в тыл из-за перерыва связи и тяжёлого положения его группы.

В то же время нельзя полностью отрицать возможности намеренного его отравления (симптомы заболевания Селивачёва этого не исключают). Однако непонятно, кто мог быть заинтересован именно в отравлении командующего группой. Как уже отмечалось, единственным имеющим логическое объяснение мотивом для отравления могло быть стремление убийцы остаться неразоблачённым. В этом могли быть заинтересованы только потенциальные белые агенты в штабе, существование которых остаётся недоказанным. И всё же трудно представить, чтобы Селивачёв мог быть отравлен такими же, как он, бывшими офицерами — военспецами, перебежавшими затем к про-

¹ В документе ошибочно — Фёдоровну.

² ГАРФ. Ф. А—539. Оп. 3. Д. 419. Л. 37—37об.

тивнику. Даже если допустить, что они стремились в силу радикальных антибольшевистских взглядов ликвидировать Селивачёва, для этого вряд ли подходил столь изошрённый, ненадёжный и нехарактерный для офицерской психологии способ уничтожения противника. Тем более что на протяжении нескольких дней смертельный исход болезни Селивачёва не был очевиден.

Версия о намеренном отравлении бывшего генерала политработниками группы не выдерживает критики, поскольку они не могли быть заинтересованы в гибели столь важного свидетеля, на которого всегда можно было возложить вину за неудачи. Если бы стало известно, что Селивачёв работает на противника, можно было его арестовать или расстрелять. К ответственности за обнаружение и ликвидацию изменника в тяжёлой боевой обстановке комиссаров бы никто не привлёк. Не мог быть заинтересован в гибели Селивачёва и Л. Д. Троцкий.

Намеренное отравление командующего могло быть выгодно тому, кто, например, стремился на какое-то время (до восстановления связи с центром) взять командование в свои руки. В период болезни Селивачёва и после его гибели рычаги управления группой находились в руках Ратайского и Нечволодова. Последний предпринимал активные действия по спасению Селивачёва, а после бегства к белым не упоминал о своей причастности к гибели командующего, хотя посредством этого мог бы попробовать выслужиться в противоположном лагере. Таким образом, вряд ли на него может быть возложена ответственность за случившееся. Ратайский также едва ли что-то приобретал от гибели Селивачёва, поскольку и так находился на руководящем посту до болезни командующего. Таким образом, лиц, заинтересованных в устранении командующего столь необычным способом, как отравление, не выявлено. К тому же для отравления необходимо было достать или изготовить яд, что требовало времени и усилий. Совокупность вышеприведённых рассуждений свидетельствует о том, что смерть Селивачёва, с большей вероятностью, наступила в силу естественных причин.

В день исчезновения Нечволодова завершился рейд Мамантова по красным тылам, Мамантов соединился с корпусом Шкуро, наступавшим на Воронеж, у села Осадчино юго-западнее Воронежа. В этот же день оперативный штаб 8-й армии прибыл на станцию Лиски¹. Уже 19 сентября красные были вынуждены отойти в северную часть Костомаровки, на бугры, причём в донесениях белых отмечалось, что «противник отличается особенной стойкостью, понеся большие потери, атакующие части сходились на 40 шагов»². На следующий день, после упорного боя, Костомаровку полностью заняли части 3-й Донской дивизии, также был захвачен паром через Дон³. Всё это

¹ РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 6. Л. 177.

² РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 4. Л. 157об.

³ Там же. Л. 158—158об.

произошло лишь через три дня после того, как здесь скончался Селивачёв.

Нечволодов был не единственным высокопоставленным работником штаба 8-й армии, исчезнувшим в тот период. Потери командно-начальствующего состава и особенно штабных работников 8-й армии в сентябре—октябре 1919 г. составляют внушительный список. Ещё 17 сентября попал в плен слушатель академии Генштаба РККА Н. В. Миронцев, занимавший должность помощника начальника штаба 16-й стрелковой дивизии по оперативной части¹. В тот же день умер временно командовавший армией до своей болезни Селивачёв. На следующий день исчез начальник штаба армии Нечволодов. 2 октября сбежали начальник разведывательного отделения Генштаба В. А. Жёлтышев и сменивший Нечволодова вр. и. д. начальника штаба армии Генштаба В. Ф. Тарасов — очевидно, люди, хорошо осведомлённые об оперативной обстановке. Позднее, при отступлении 8-й армии, исчез начальник тылового штаба армии (с 5 октября 1919 г.) В. В. Вдовьев-Кабардинцев, также перешедший во ВСЮР². Не возвратился из отпуска и с 4 октября числился в бегах, а позднее объявился на белом Юге, начальник оперативного отдела Б. П. Лапшин,³ остался по болезни в Козлове и не вернулся к месту службы слушатель академии А. Н. Коновалов⁴.

Таким образом, за два месяца армия лишилась не менее восьми выпускников и слушателей академии Генерального штаба, что составляет около трети от их общего числа в 8-й армии даже с учётом слушателей академии Генштаба РККА, а без их учёта — не менее половины. Столь высокие показатели и синхронность исчезновений могут быть неслучайными. Подобные события вполне возможны,

¹ РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 13. Л. 9.

² Его исчезновение описано комиссаром И. А. Чуевым: «Когда под очень сильным нажимом белых мы оставили Воронеж, штаб армии переехал в Козлов (ныне Мичуринск), а потом в Мордово, Тамбовской губернии. Во время пребывания в Козлове начальник штаба — бывший полковник Вдовьев-Кабардинцев — перебежал к белым, захватив с собой ценные документы. Таким образом, генерал Май-Маевский получил самые подробные и свежие данные о 8-й армии и некоторые сведения обо всём Южном фронте.

По окончании Гражданской войны И. Э. Якиру пришлось побывать в Берлине, где он учился в академии Генерального штаба и одновременно читал лекции о Гражданской войне в нашей стране. Позже Иона Эммануилович рассказывал мне, что однажды его встретил изменник Вдовьев-Кабардинцев и обратился к нему с просьбой походатайствовать перед Советской властью о его прощении и разрешении ему вернуться на Родину, Якир ответил, что в случае возвращения Вдовьева-Кабардинцева в нашу страну он может походатайствовать, чтобы его не повесили, а расстреляли.

На этом разговор с предателем был закончен, — сказал Иона Эммануилович» (*Чуев И. А. За родную власть // Против Деникина. Сб. восп. М., 1969. С. 157—158*).

³ РГВА. Ф. 191. Оп. 7. Д. 13. Л. 5об.

⁴ Там же. Л. 7.

например, при наличии в штабе армии антибольшевистской подпольной организации. С другой стороны, военспецы могли бежать, испугавшись ответственности за неудачи.

Изменам способствовала сложная фронтовая обстановка. Фактически к середине сентября все территории, занятые в ходе наступления группы Селивачёва, красные оставили. Наступление белых армий Юга России на советский центр успешно развивалось. Фронт между Курском и Воронежем белые прорвали. 20 сентября 1919 г. части Добровольческой армии взяли Курск, развивая успех в направлении Орла. 30 сентября генерал Шкуро занял Воронеж. Успешными были действия деникинцев и на других участках фронта.

К 15 сентября в группе Селивачёва оставалось 30 918 штыков, 3 432 сабли при 220 орудиях и 681 пулемёте¹. Войска 8-й армии в это время находились в глубоком отступлении. Армия понесла большие потери, была деморализована, осталась без боеприпасов, а 16-я и 31-я дивизии были полностью разбиты белыми². 28 сентября без боя был сдан противнику Землянск. Белые охватывали фланги армии. К 22 сентября 12-я и 13-я дивизии насчитывали только по 500 штыков и были небоеспособны, другие дивизии также понесли серьёзные потери³. 31-я дивизия частично разбежалась, частично была обезоружена и направлена в распоряжение ревтрибунала⁴. Армия отошла к линии р. Дон. Как уже отмечалось, к началу октября 1919 г. армия лишилась части комсостава и штабных работников. Общая численность армии к 4 октября составляла лишь 7 600 штыков и сабель⁵. Рейд Мамантова также нанёс серьёзный удар по положению армии. Однако командование требовало от почти разгромленной армии активных наступательных действий. Лишь в начале октября появилась возможность заняться приведением армейского тыла в порядок⁶.

По свидетельству члена РВС 8-й армии Г. И. Окуловой-Теодорович, «Мамонтов прошёл по тылам VIII армии и разграбил все базисные склады продовольствия и обмундирования. Армия осталась без снабжения. Наступили холода.

Фронт перемещался. Линия фронта была нарушена. Отправляясь в свои части, мы легко могли попасть в расположение врага, так как конница Мамантова отличалась большой подвижностью»⁷. Однако

¹ Подсчитано по: Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 4. С. 73—74.

² Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 2. С. 333.

³ Там же. С. 336.

⁴ *Какурин Н. Е.* Как сражалась революция: в 2 т. Т. 2. 1919—1920 гг. С. 279—280.

⁵ *Егоров А. И.* Указ. соч. С. 292.

⁶ РГВА. Ф. 191. Оп. 3. Д. 359. Л. 242.

⁷ *Окулова-Теодорович Г. И.* Большевистские комиссары // Этих дней не смолкнет слава. Воспоминания участников гражданской войны. М., 1958. С. 45.

после своего знаменитого рейда Мамантов предпринимал новые рейдирующие действия по красным тылам. Мамантов считал положение 8-й армии совершенно безнадежным. По его мнению, армия была окружена за исключением 1-й и 3-й бригад 40-й дивизии. Мамантов был настолько уверен в своём успехе, что даже предложил красному командованию 20 сентября (3 октября) очистить в трёхдневный срок район Воронеж—Коротояк—Бобров—станция Анна, оставив ему всю артиллерию, вооружение и запасы. За это он гарантировал неприкосновенность даже комиссарам и коммунистам, не говоря уже о красноармейцах, и обещал пропустить войска в направлении станции Грязи¹.

Большевик Г. Я. Сокольников, назначенный командующим армией, писал в автобиографии: «Окружённая с трёх сторон, а иногда и отрезанная со всех сторон, армия отходила от Волчанска к Воронежу, изредка с трудом сносясь с соседней 13-й армией и фронтовым командованием по радио и при помощи аэропланов. Налёты мамантовских частей на тылы армии действовали дезорганизующе и деморализующе. К этому периоду относится захват в плен мамантовским разъездом члена ревсовета 8-й армии Владимира Барышникова. Штаб армии кочевал с места на место, всегда рискуя быть захваченным врасплох; часть работников штаба дезертировала, а некоторые перебежали к белым»². Из катастрофического положения 8-ю армию вывели только действия конного корпуса С. М. Будённого в октябре 1919 г.³

Катастрофа 8-й армии стала результатом двух факторов — серьёзных неудач на фронте и действий конницы белых в советском тылу. Ситуация обострялась массовыми изменами штабных работников, что само по себе дезорганизовывало управление войсками, даже если перебежчики и не были белыми агентами. Закончить характеристику этого периода истории 8-й армии можно менее критической оценкой участника событий, призванной уравновесить отрицательные отзывы. По этому свидетельству, «разрезываемая рейдами на части, поворачивая фронт чуть ли не во все стороны, отрезанная от снабжения тыла вследствие перерыва коммуникаций, извиваясь под ударами сильнейшего врага, 8-я армия сдерживала напор белых, в то время как 9-я и 13-я армии далеко откатились к северу»⁴.

Августовское наступление центральной части советского Южного фронта, которую занимала группа Селивачёва, не только провалилось в начале сентября, но затем в результате перехода инициативы к белым и активных действий их конницы в красных тылах (причём не только в ходе рейда Мамантова, но и позднее) превратилось

¹ РГВА. Ф. 191. Оп. 8. Д. 1. Л. 45—46.

² Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 686.

³ Егоров А. И. Указ. соч. С. 294.

⁴ Богучарцы. С. 127.

в настоящую катастрофу, в особенности на фронте 8-й армии. Как единое целое группа Селивачёва фактически перестала существовать уже 13 сентября 1919 г., когда командующий группой смертельно заболел, не назначив преемника.

Но успехи сентября — начала октября 1919 г. так и не позволили белым достичь своей цели в виде захвата советского центра. Уже в октябре 1919 г. на Южном фронте произошёл перелом в пользу Красной армии, позднее приведший к разгрому антибольшевистских сил юга России. Не помогло белым как гипотетическое, в случае Селивачёва, так и вполне реальное в ряде других случаев содействие со стороны бывших офицеров, служивших в РККА в качестве военспецов, в том числе на руководящих постах¹.

Версия сознательного срыва наступательной операции Селивачёвым или его сотрудниками, затем бежавшими из РККА, представляется куда более правдоподобной, чем её продолжение в виде версии о намеренном убийстве бывшего генерала кем-то из комиссаров. Однако известные нам документы не позволяют утверждать что-то более определённо.

2 октября 1919 г. на заседании РВСР обсуждался вопрос о материальном обеспечении семьи умершего Селивачёва, причём постановили до разрешения в ближайшем будущем вопроса о пособии семье сохранить за ней жалование военспец². Если бы речь шла о заведомом изменнике, подобный вопрос, скорее всего, даже не ставился бы на обсуждение. Следовательно, высшие советские политические и военные руководители (присутствовали Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, Э. М. Склянский, С. И. Гусев, С. С. Каменев, П. П. Лебедев) не считали Селивачёва изменником.

В дневнике Селивачёва за 1901 г. имеется эпитафия: «Жить сознательно — значит отдавать себе отчёт во всех явлениях своей жизни»³. Эти слова стали жизненным кредо генерала, что видно из его поступков и из тех мыслей, которые он доверял своему дневнику. Селивачёв прожил честную жизнь и добросовестно служил своей стране. Чудовищные недостатки старой армии остались навсегда запечатлены в суровых обличительных строках его дневника. О том, какие невероятные душевные переживания они вызывали у этого честного и прямого человека, можно только догадываться. Вполне возможно, что к большевикам Селивачёв пошёл в надежде на радикальные перемены в жизни страны и армии, поскольку иллюзий относительно способностей старого режима у генерала не осталось. К сожалению,

¹ Подробнее см.: Ганин А. В. Саквояж генерала А. М. Зайончковского // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 141—143; *Он же*. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 635—643; Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / публ. А. В. Ганина // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3—20.

² Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918—1919 гг. С. 422.

³ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

в нашем распоряжении нет его дневника за Гражданскую войну и неизвестно, вёл ли его генерал в те годы, поэтому сделать более определённые выводы нельзя. Не знаем мы и о переживаниях генерала в связи с его участием в братоубийственной войне, когда он был вынужден сражаться против своих недавних товарищей по службе.

Представляется маловероятным, чтобы Селивачёв стал работать на белых, стремившихся воссоздать прежние порядки в стране и армии, противником которых, судя по дневникам, он являлся. Серьёзных документальных подтверждений изменническим действиям Селивачёва нет, а его внезапная смерть, по-видимому, носила естественный характер. Но, возможно, белая агентура находилась в его ближайшем окружении. При этом массовые переходы работников штаба 8-й армии на сторону белых могут объясняться не только тем, что эти военспецы являлись агентами противника, но и страхом перед репрессиями за провал операции со стороны красных или же боязнью наказания за службу в Красной армии со стороны приближавшихся к советскому центру белых. Как бы то ни было, документы не позволяют говорить о преднамеренном срыве наступления.

Если же провал наступления Селивачёва, катастрофа 8-й армии и переход группы её оперативных сотрудников на сторону белых осенью 1919 г. были спланированной акцией, тогда, возможно, речь идёт о крупнейшем в истории Красной армии этого периода военном заговоре целого коллектива ответственных штабных работников. Нам удалось лишь отчасти приоткрыть завесу тайны, окутывающей эти события, но по-прежнему в них больше вопросов, чем ответов. Имеющийся документальный материал не даёт однозначных ответов на все поставленные вопросы. Поэтому нельзя исключать, что череда необъяснимых происшествий сентября—октября 1919 г. в группе Селивачёва и в штабе 8-й советской армии так и останется загадкой для историков.

А. В. Ганин,
доктор исторических наук